

И С Т О Р И Я
И С Л А М А

АВГУСТ МЮЛЛЕР

ОТ ДОИСЛАМСКОЙ ИСТОРИИ АРАБОВ
ДО ПАДЕНИЯ ДИНАСТИИ
АББАСИДОВ
В XVI ВЕКЕ

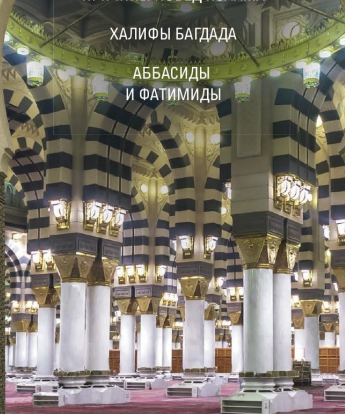
МУХАММЕД-ПРОРОК

ВЕЛИКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ

ПРИЧИНЫ ПОБЕД ИСЛАМА

ХАЛИФЫ БАГДАДА

АББАСИДЫ
И ФАТИМИДЫ

Август Мюллер
История ислама. Т. 1, 2.
От доисламской истории
арабов до падения династии
Аббасидов в XVI веке

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37943417

История ислама. От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов в XVI веке: Центрполиграф; М.; 2018

ISBN 978-5-227-07813-1

Аннотация

В классическом фундаментальном труде немецкого ученого Августа Мюллера, посвященном истории ислама, проанализированы доисламская история арабов и история арабов от пророка Мухаммеда до падения арабской династии Аббасидов. По богатству материала и широте охвата стран и событий, а также благодаря титаническим усилиям автора по обработке арабских письменных источников «История ислама» и сегодня остается одним из важнейших исследований. Многие термины, понятия и названия в тексте оставлены именно так, как их написал автор. Для вдумчивого читателя не составит большого труда соотнести авторскую интерпретацию слов с их современным написанием.

Академик барон В.Р. Розен сказал об этой книге: «...я не знаю ни одного другого сочинения, которое давало бы столь ясный, связный и осмысленный общий обзор преимущественно внешней истории мусульманского мира, не говоря уже о том, что и во многих частных вопросах оно дает веские и ценные указания и разъяснения, свидетельствующие как о добросовестности, с которой автор всюду проверял своих предшественников по доступным ему источникам, так и о самостоятельности его взглядов». Данное издание включает 1-й и 2-й тома «Истории ислама».

Содержание

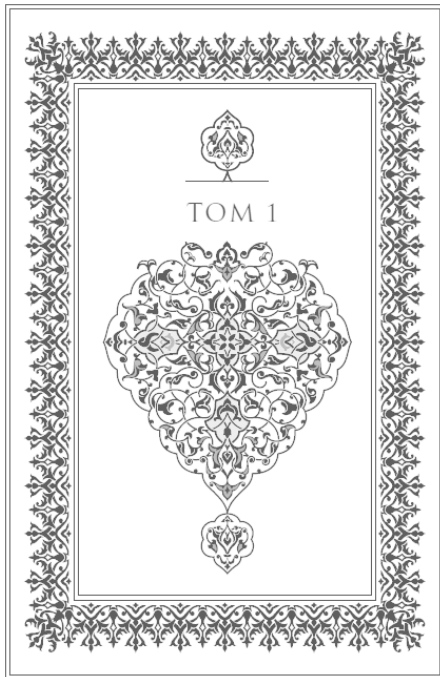
Том 1	6
Книга первая	7
Глава 1	7
Глава 2	70
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Август Мюллер
История ислама.
От доисламской
истории арабов до
падения династии
Аббасидов в XVI веке

© «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

Tom 1

Книга первая

Арабы и ислам

Глава 1

До Мухаммеда

В исходе пятого столетия от Р. Х., согласно арабским сказаниям, могущественнейшим человеком во всей Аравии считался Кулейб, сын Рабий. Он был главой сильного племени бену-таглиб, которое занимало тогда, вместе с родственным ему бену-бекр, весь северо-восток полуострова, от Сирийской пустыни до высочайшего кряжа гор Центральной Аравии. Оба племени в соединении с некоторыми соседними неоднократно и всегда успешно отражали нападения мелких правителей Южной Аравии. Перед славой Кулейба, затмившей геройские подвиги всех остальных, даже Амр, сын Худжра, принужден был отодвинуться на второй план, невзирая на то что отец его незадолго перед тем сумел образовать из бедуинов Центральной Аравии сильную коалицию. Таким образом, род Кинда, едва только достигший гегемонии, лишился ее опять, поскольку большинство союзных племен согласились подчиниться верховенству Кулейба. Но попутно с могуществом героя, гласит предание, росла и

его гордость. Самолюбию его, казалось, не было пределов. В позднейшие столетия дети пустыни говорили о зазнавшемся муже: «Он превосходит гордостью даже Кулейба-ваиля». Так прозывали его благодаря общим предкам бекр и таглиб.

Жена его, Джелила, взята была им из родственного колена бекр. Все братья ее со своими ближайшими родственниками дружили с Кулейбом, и рядом с его палаткой поселился один из шуринов, Джессас. Однажды в гости к последнему пришла его родная тетка Бесус. Чуждая обоим коленам (бекр и таглиб), она могла рассчитывать только на покровительство своего племянника. Вслед за ней прибыл вскоре земляк ее, некто Саад, и остановился на некоторое время тоже у Джессаса. Он привел с собою верблюдицу, кличкою Сараб. Находясь под кровлей, а стало быть, и под защитой Джессаса, Саад выпускал свою верблюдицу вместе с остальными верблюдами на пастбище, а ходили они вместе со стадом Кулейба.

Как-то раз Кулейб обходил ограду выгона. Случайно взор его упал на жаворонка, сидевшего на яйцах. Птичка вскрикнула пронзительно и затрепетала крылышками. Кулейб был тогда в хорошем настроении и сказал: «Чего боишься, ты и твои яйца находятся под моим покровительством. Поверь, никто не посмеет тебя тронуть». А когда немного спустя проходил он опять тем же местом, заметил след верблюда, ему неизвестного, яйца же были растоптаны. Вернулся домой сердитый. Когда на другой день вместе с Джессасом об-

ходил он пастбище, снова вдруг увидел верблюдицу Саада. Тотчас же догадался, что это она раздавила яйца, и крикнул Джессасу: «Смотри у меня! Я кое-что подозреваю. Если узнаю доподлинно, приму меры, чтобы эта верблюдица никогда более не ходила с моим стадом». Сильно не понравилась Джессасу резкость тона родственника, и он ответил: «Клянусь Создателем, она вернется сюда опять, как было и прежде». Так поднялась ссора. Кулейб стал грозить, что если он опять увидит верблюдицу, то пронзит ей стрелой вымя. На это ответил в запальчивости Джессас: «Попробуй только ранить ее в вымя, мое копье не замедлит пробить твой позвоночник». А сам между тем погнал верблюдицу прочь. Вернулся Кулейб мрачнее ночи домой. Жена его Джелила, родная сестра Джессаса, заметила сразу, что что-то неладно. Стала его расспрашивать, допытываться. Наконец он произнес: «Знаешь ли ты такого, кто бы осмелился защищать любимца своего наперекор мне?» Она ответила недолго думая: «Едва ли кто на это решится, разве вот брат мой Джессас». Кулейб не пожелал дать этому веры. С его уст сорвалось едкое слово в адрес шурина. Насмешка не осталась без ответа, и с обеих сторон посыпались грубые перекоры.

В другой раз Кулейб вышел опять поглядеть на верблюдов. Как раз в это время вели их на водопой, впереди, конечно, шли Кулейбовы. Сараб, верблюдица Саада, находившаяся в стаде Джессаса, рванулась вперед и бросилась первая к водопою. Кулейба передернуло. Ему сообщили при

этом, что животное принадлежит чужестранцу. Показалось гордому шейху, что так случилось нарочно. «Все это штуки Джессаса», – подумал он. Схватился за лук, натянул тетиву, и стрела пробила вымя верблюдицы. С криком понеслась она прямо в стойло, у самой палатки Джессаса. Бесу все это видела и вознегодовала, горько сетуя на нанесенный ущерб. «О позор! О поношение! Гостя моего обидели!» – голосила она в надежде, что Джессас отомстит за нанесенную ее гостью обиду. Напрасно старался Джессас успокоить ее обещанием богатого вознаграждения. День за днем не переставала она преследовать его и насмешками, и упреками, укоряя, что гость под кровлей его не может найти защиты, которую всякий честный человек обязан оказывать даже чужому, принятому в дом. Не выдержал Джессас и разразился проклятиями: «Замолчишь ли ты, наконец, женщина?! Завтра будет убит один, и погибель его для ваиля (то есть бекра и таглиба) обойдется дороже твоей верблюдицы!»

Слова эти переданы были буквально Кулейбу. Шейх подумал было, что дело идет о его любимце верблюде, и порешил в уме жестоко отомстить, если шурин осмелится это сделать. Но с этого момента Джессас стал подстерегать самого Кулейба. Однажды, когда шейх вышел без оружия, он бросился вслед за ним и крикнул ему: «Берегись, я убью тебя!» – «Иди же вперед, если ты не лжешь», – отвечал ему хладнокровно Кулейб – непомерная гордость не позволяла шейху даже обернуться. Джессас напал на него сзади и вса-

дил копье ему в спину. Противник грохнулся наземь, а убийца бросился бежать.

В это самое время отец убийцы, окруженный старейшинами колена Шеибан, племени бену-бекр, сидел возле своей палатки. Увидя стремительно прибежавшего сына, старик воскликнул: «О боже, Джессас совершил, должно быть, что-то ужасное!» Затем обратился к нему с вопросом: «Что с тобой?» Сын прошептал: «Я убил Кулейба». Старец горячо запротестовал: «Так один ты и будешь в ответе, я тебя свяжу, чтобы домочадцам Кулейба дать возможность убить тебя! И все же – истинно говорю, – прибавил со вздохом старик, – никогда более ваиль (то есть племена бекр и таглиб) не соединятся на хорошее дело благодаря предательской смерти Кулейба. Горе нам, что ты наделал, Джессас! Умертвил главу народа, разорвал узы единения, факел раздора бросил в середину племен!» Но Джессас не угомонился, он продолжал хвастаться тем, что совершил. Отец связал его и повел в палатку. Сюда же позваны были старейшины всех колен племени бекр. Старик начал свою речь так: «Делайте что хотите с Джессасом. Он убил Кулейба. Я его связал. Нам остается ждать, пока не появятся призванные на кровомщение и не потребуют выдачи его». Но представители рода не пожелали и слышать о выдаче убийцы. Прав он или виноват, честь рода требовала защищать его всеми средствами против преследователей. Так был порван тесный союз родственных племен и началась кровавая бойня. Иногда затихала, заклю-

чалось на некоторое время перемирие, даже образовывались временные союзы для поражения общего врага, но вражда не прекращалась продолжительное время, в течение сорока лет. Наконец обе стороны утомились, и заключен был мир.

Хотя эта «война Бесус» благодаря поводам и распространности ее вошла, так сказать, в поговорку, но и другая братоубийственная распря между родственными племенами, возникшая несколько десятков лет спустя (приблизительно около 560 г.), не менее замечательна. И поводы к ней представляют также характеристические черты старинных нравов Аравии.

В то время заселяли центр полуострова большие группы племен под общим названием бену-каис. Между ними самым выдающимся было поколение бену-гатафан. В свою очередь, бену-абс и бенузубьян, входившие в племя гатафан, пользовались наибольшим почетом. Благодаря общему происхождению оба они жили в тесном единении. Старейшиной у абс был Кайс, сын Зухейра. Обладал он знаменитым скакуном, носившим название Дахис. Как-то раз один из его двоюродных братьев посетил старейшин племени зубьян. Ему показывали многих лошадей и стали в присутствии его чрезмерно восхвалять превосходные качества кобылицы Габра. Гость стал доказывать, что не сравняться ей с Дахисом. Возникли горячие споры, кончившиеся тем, что побились об заклад, которое из обоих животных обгонит другого. Решено было выставить с обеих сторон по десять верблюдов. Побе-

дившей стороне назначался в награду этот приз.

Не особенно понравилось Кайсу, когда ему передали о случившемся. Он предчувствовал, что хорошего не много выйдет из спора. Знал он прекрасно, что за народ зубьяниты. Старейшины этого племени славились насилием и несправедливостью. Боясь, однако, чтобы не вышло какого несчастья, отправился сам на место стоянки соседей с твердым намерением отступить от пари. Но владелец Габры, некто Хузейфа, и его брат Хамаль, оба старейшины, люди сильно заинтересованные в этом деле, наотрез отказали ему. Они стали доказывать, что, если шейх не желает пустить свою лошадь наперегонки, этим самым он сознается, что должен проиграть, стало быть, обязан выдать десять верблюдов. Эти безумные речи окончательно взорвали Кайса. «Нет, никогда я и не думал, что могу проиграть, – заговорил он. – Но, по моему, ежели уж биться об заклад, так, по крайней мере, на порядочное пари». После долгих переговоров и споров порешили на сотне верблюдов. Дистанцией назначили сто полетов стрелы (около 3 миль). Кайс и Хузейфа передали на руки избранного ими третьего лица по сотне верблюдов. Двое суток обеих лошадей не поили. После вырыли яму возле цели, куда должны были добежать скакуны, и наполнили ее водою. Та из лошадей, которая первая утолит свою жажду из водопоя, так согласились обе стороны, будет считаться победившей.

В заранее определенный день большие толпы зрителей из

обоих племен собрались на место ристалища. Гораздо более, разумеется, было зубьянитов, так как место состязания назначили на их территории. По данному знаку пустили лошадей одновременно. Обе сразу ринулись с быстротой ветра, так что Кайс и Хузейфа, следовавшие за ними вдоль ристалища, не поспевали и чем далее, все более и более теряли их из виду. Вначале, пока Габра бежала по заранее утрамбованному Хузейфой, нарочито для своей лошади, пути, она шла несколько впереди. Но когда твердая почва постепенно перешла в песчаную, Дахис стал заметно нагонять и выдвинулся на значительное расстояние вперед. Давно уже обе лошади скрылись из глаз своих владельцев. Приближались они уже к цели, Дахис далеко впереди, как вдруг из подготовленной коварным Хамалем засады выскочила парочка зубьянитов. Сильными ударами по ноздрям заставили они шарахнуть лошадь в сторону и дали этим полную возможность прибежать Габре первой к водопою.

Но в числе зрителей нашлись такие, которые присутствовали при этой недостойной сцене, и когда несколько спустя подъехали Кайс рядом с Хузейфой, потерпевшему тотчас же передано было, каким образом помешали его скакуну одержать неоспоримую победу. Он сумел, однако, подавить свой гнев – абсов было немного – и обратился, по-видимому, хладнокровно к Хузейфе и Хамалю со следующей речью: «Дети Багида, – так звали общего прародителя обоих племен, – несправедливость – ужаснейшее зло между бра-

тнями. Советую вам, возвратите нам то, что вы выиграли. Вы не выиграли, собственно, ничего. Отдайте же по крайней мере ту часть верблюдов, которая нам принадлежит». – «Никогда этого не будет», – был ответ. «По крайней мере, дайте одного верблюда на убой. Надо же угостить людей, наполнивших водопой водою». – «Одного или сотню – это все равно. Этим самым мы признаем вас за победителей. А этого от нас не дождетесь. Мы не считаем себя побежденными». Напрасно пробовал один из зубьянитов, благомыслящий человек, устранить угрожавший разрыв предложением взаимных уступок. Все его старания не привели ни к чему. Кайс удалился со своими сородичами, глубоко убежденный в том, что его самым постыдным образом провели.

Пылая мстью к обманувшим его, умерщвляет он, пользуясь первым благоприятным случаем, одного из братьев Хузейфы. Возгорается тотчас же братоубийственная война между обоими племенами. И ей арабские рассказчики отводят период в сорок лет.

Издавна на Востоке число 40 неизменно фигурирует в летописях, продолжалось ли событие лет на десять более или менее. В нескончаемой резне падают под рукой самого Кайса, один за другим, двое из братьев Хузейфы и сам Хамаль, но пали многие и из числа знатнейших племени абс. Наконец обе стороны истомлены продолжительной враждой, а рои тень убитых все не дают им покоя. Кровь смывается у арабов только кровью, и неумолимый закон пустыни гласит: око за

око, зуб за зуб.

Среди племени зубьян отыскивались, однако, двое мужей возвышенного сердца – Харис ибн¹ Ауф и Харим ибн Синаи, решившиеся добиться во что бы то ни стало примирения родственных племен с помощью великой личной жертвы. Они занялись подсчетом павших с обеих сторон и пришли к заключению, что остается известное число, кровь которых еще не отомщена. Дело в том, что кодекс чести у арабов допускает, во всяком случае, выкуп крови убийц в пользу родственников и домочадцев убитого. Конечно, редко весьма и неохотно соглашаются дети пустыни на подобную сделку. Но теперь все ощущали потребность помириться, и каждый охотно согласился уплатить, по соглашению, известную сум-

¹ То есть сын Ауфа. У арабов не в обычае фамилии, а число существующих собственных имен крайне ограничено. Поэтому вошло во всеобщее употребление отличать каждого особыми приставками. Так, например, говоря о ком-либо, прибавляют – сын (ibn) такого-то, или отец (abu) того-то, либо из племени N или из города A. В позднейшую эпоху появляются обыкновенно еще и прозвища, чаще всего в соединении с din (религия). Так, например, Саладдин (более точно Salah-ad-din «чистота религии») и т. п. Таким образом, по-старинному говорили так: Abu'l-kassim Mohammed ibn Abdallah El-Hashimi, что, собственно, значит «Отец аль-Касима, Мухаммед, сын Абдаллы, из рода Хашим». Нередко для более точного индивидуализирования присоединяют особые характерные прозвища, обозначающие либо род ремесла (например, El-Hariri – «торговец шелком», El-Tachan – «мельник»), либо телесную примету (Ed-Darir – «слепой», El-A'aradsch – «хромой», ср. у римлян Cicero, Nasica). По большей части одно только из всех этих имен принадлежит собственно лицу, о котором говорится. Встречающееся в некоторых именах el, а перед гласными 'l есть арабский член. Перед согласными d, n, u, t, s, z он ассимилируется со звуком следующей согласной, например Ed-Darir.

му родственникам в форме соответствующего числа верблюжьих голов (о золоте и серебре тогда имели весьма слабое понятие в пустыне). 3000 лучших животных пришлось миротворцам раздать, чтобы достичь предполагаемой ими цели. В глазах жадных арабов это было поразительным актом великодушия и щедрости, даже со стороны самых зажиточных из них. Таким образом можно было наконец добиться примирения, хотя до самого последнего момента разные эпизоды угрожали ежеминутно возобновить снова жесточайшую резню.

Один только, по глубокому убеждению, уклонился от мира. Это был старец Кайс ибн Зухейр, из-за злосчастного жеребца которого возникла вся эта распря. Не то чтобы он в душе не одобрял мира. Из первых старик убеждал членов своего племени согласиться на предложение обоих благородных зубьянитов. Но и для него даже, истого бедуина, эта война стала страшным событием. «Я не в состоянии выносить взгляда ни одной из зубьяниток, – признавался он. – Нет почти ни одной меж ними, у которой бы я не убил кого-нибудь: отца, брата, мужа или сына». Поэтому со своими ближайшими родственниками он удалился за Евфрат, к племени бену-намир, родственному ваилю, кочевавшему среди поселений месопотамских христиан. Там, как говорит предание, перешел он в христианство и кончил мирно жизнь монахом в далеком Омане (на юго-востоке Аравии).

Эти и другие бесчисленные междоусобные распри воспе-

ваются в арабских стихотворениях, посвященных описанию подвигов любимых народных героев. И во всяком подобном рассказе приходится волей-неволей приходиться к заключению, что основания и перипетии этих бесконечных раздоров между отдельными племенами все одни и те же. Постоянно они оказываются почти тождественными с тем, что сообщено было выше о двух наиболее типичных историях. Поэтому не следует смотреть на них как на факты первостепенной исторической важности, а только как на почти исчерпывающую предмет характеристику бедуинов, на самый сильный, побудительный, преимущественно пред всяким другим, элемент всей арабской национальности. Нетрудно наполнить целые тома подобными повествованиями, но достаточно ограничиться только что рассказанным, дающим ясное представление о духе самого бедуинства, о диком его упорстве и храбрости, беззаветном и крайне щекотливом чувстве чести и вытекающем непосредственно отсюда порыве великодушия, а рядом жадности и коварстве обитающих в степи арабов.

Прежде всего разворачиваются перед нами во всей своей широте две характеристические черты этого замечательного народа, которые везде, куда только успели проникнуть бедуины, издавна препятствовали им установить прочный государственный порядок. Я говорю о необузданной страстности и чрезмерной самооценке индивидуальной силы, приводящих их вечно к резкому партикуляризму. Эти два самых

неискоренимых недостатка сделали невозможным самое существование кельтов, а итальянцев держали целые столетия в невыносимом для национального чувства гнете.

В самой природе вещей лежит, конечно, почему эти пороки достигли кульминационного пункта. Это случилось благодаря постоянной жизни в пустыне. Она предъявляла настойчиво наивысшие требования к личным качествам каждой особи и даровала успех лишь избранныкам своим. И опять-таки свойства самой пустыни препятствуют не только переходу из жизни кочевников в оседлую, но даже к мало-мальски сносной государственной организации, ко всякому мирному сожительству народных групп. Там, где разделение на провинции и округа – вещь немыслимая, где вся топография, так сказать, начертана на спине верблюдов – управление становится невозможным. Случайная неудача в сборе и без того скудной жатвы вынуждает к грабежу у соседа; какой же после того может быть покой.

Но бедуинство не захватывает целой области громадного, равняющегося по пространству почти четверти Европы, полуострова. Великая Сирийская пустыня, отделяющая к северу Аравию и обширное, прорезанное горными хребтами центральное плоскогорье, обрывающееся снова на востоке и юге в пустыню, а на западе ограниченное довольно дикими, крутыми горными отрогами, есть собственно классическая почва неподдельной арабской национальности. Этот Неджд (ан-неджд – плоскогорье), как его называют арабы, при по-

что в совершенном отсутствии расчленения почвы в совершенстве замкнут своими естественными границами. Поэтому со всем остальным миром и его историей только дважды приходит он в действительное столкновение в течение долгой своей жизни, а именно: вскоре после Мухаммеда и в середине XVIII столетия, когда революция ваххабитов заставила еще раз на мгновение вылиться избыток народонаселения, клокотавший лишь внутри котла, наружу. Но по окраинам, обнимающим это средоточие, животворное влияние моря и соседство других наций могли воздействовать далеко свободнее. Вот почему задолго еще до Мухаммеда встречаемся мы с некоторыми попытками устройства подобия государственной организации.

Положим, это были только опыты, и, за исключением одного случая, имели все они нечто в себе по продолжительности бедуинское, то есть неопределенное и изменчивое. Соседство двух громадных мировых империй – Персии и Византии – на севере производило на пограничные арабские племена как бы воздействие магнитного притяжения и способствовало образованию даже двух подобий «царств». Конечно, если продолжить прежнее сравнение, они походили скорее на громадную бесформенную кучу железных опилок, чем на благоустроенную государственную машину. Но так или иначе царства эти просуществовали некоторое время. Большая Сирийская пустыня или, лучше сказать, немногочисленные ее оазисы, дававшиеномадам возможность суще-

ствовать, находились в руках бедуинов. К ним примыкали с обеих сторон треугольника, в виде которого клином врезывались они между Сирией и Месопотамией, страны издревле культурные и богатые. Бедуинам, лишенным самых элементарных потребностей культуры, казались они почти баснословными явлениями, следовательно, служили непрестанно предметом возбужденного подстрекательства их неутолимой жажды к добыче. Поэтому нет ничего удивительного, что все властители Персии и Сирии попеременно напрягали силы, дабы положить предел хищническим набегам многочисленных племен пустыни.

Борьба с внезапно появлявшимися подвижными полчищами арабов представляла громадные трудности. По совершении набега и грабежа с быстротою молнии уплывали они на «кораблях пустыни» в свое море песка. Преследовать их было почти невозможно, чему лучшим примером может служить поход римлянина Красса против парфян, совершенный им при подобных же неблагоприятных условиях. Приходилось поэтому прибегнуть к единственно возможному средству, которым и поныне пользуются турки в этих самых местностях: учредить на границах пустыни хорошо укрепленные военные поселения, которые представляли бы для государственной власти надежный оплот. Необходимо было привлечь на свою сторону массы варваров различными заманчивыми обещаниями. Постоянной платой и приманкой богатой добычи во внешних войнах удалось наконец скло-

нить некоторые беспокойные племена к переходу под знамена постоянных пограничных армий. При их помощи стало значительно легче отражать вторжения других племен и даже быстрым натиском за набег и разорение отплачивать немедленно тем же. Таким образом, некоторые племена арабов очутились в новой роли пограничной стражи против других детей пустыни, а равно и соседних неприятельских государств, особенно с тех пор, как возгорелись бесконечные войны между римлянами и персами, необходимым следствием которых было движение всемирных завоевателей за Евфрат.

За триста лет уже до рождения Мухаммеда один арабский старейшина² успел сразу возвыситься из положения одного из обыкновенных пограничных римских сторожей в Пальмире до фактического поста властителя большей части государства. Это был Узейна, называемый римлянами Оденат. В самые беспокойные времена римской истории, когда за обладание тронem велась ожесточенная междоусобная война, он сумел не только оградить государство от нападений персидских хозроев, но и внушить снова панический страх к римскому оружию, проникнув в самое сердце Персии и покорив в 265 г. по Р. Х. даже столицу ее Ктезифон. Но недолго носил он королевский титул, преподнесенный ему благодар-

² Хотя я очень хорошо знаю, что арабское происхождение Септимиев не доказано вполне, но, основываясь на выводах Блау, считаю возможным придерживаться предположения о некоторой достоверности этого события.

ным Галлиеном. Под конец 266 г. благодаря козням римской национальной партии его умертвили. Подозрительным римлянам показалось слишком опасным могущество этого варвара. Злодейство это не принесло, однако, предполагаемых плодов. Супруге убитого, Бат-Себине, или, как называли ее римляне, Зенобии, чуть не удалось образовать обширную греко-восточную империю, вроде того, как этого же некогда добивалась Клеопатра. В 271 г. она заставила признать сына своего Вахбаллата повелителем Египта и Малой Азии. Но благоденствие новой империи продолжалось недолго. Уже в 273 г. пала она под тяжкими ударами Аврелиана. Пальмира превратилась снова в незначительное, пограничное с пустыней местечко. Но из памяти арабов великие деяния этой женщины не совершенно изгладились.

Так или иначе, все дошедшие до нас известия о судьбах Сирии за позднейшее время владычества здесь римлян и византийцев единогласно подтверждают, что арабские, пограничные с пустыней, племена служили постоянно наемниками у правителей этой области. Но так как свободолюбивые бедуины не выносили чужеземных военачальников, они поставлены были под команду соплеменных князей, филархов, как их называют греческие историки. Совершенно такой же кордон был и у персов из иракских арабов, тянувшийся вдоль Евфрата и организованный под управлением царей Хиры. Оба лена сильно отличались по внутреннему управлению от порядков, существовавших в племенах, оби-

тавших внутри Аравии. В то время как у независимых бедуинов власть шейха³ в племени основывалась на добровольном подчинении всех членов и никогда не давала права на преемство власти по наследию, у филархов и королей Хиры мы видим совсем другое. Власть переходила здесь от отца к сыну либо брату. Каждое из этих ленных государств имело свою династию: в Хире управляли Лахмиды, потомки Амр ибн Адия, победителя Себбы – Зенобии, а в Сирии – Хассаниды, фамилия южноарабского происхождения. По общераспространенным известиям, задолго до времени управления Зенобии появилась эта семья в Сирии и при ней играла уже видную роль. Но насколько эти предания близки к правде – сказать трудно. Раньше уже мы видели, как сказания арабов часто опережают историческую эпоху; контролировать все эти сказания возможно только при помощи случайных замечок византийских историков или же равно случайных совпадений их с моментами истории восточной других народностей, хорошо известных. Лишь в редких случаях можно применять этот прием к Хассанидам. Приходится поэтому принимать с большою осторожностью данные хронологии позднейших арабских историков.

Одинаковые условия, при которых обе династии управляли, имели следствием некоторое сходство их судеб. Относительную же твердость их власти над беспокойными толпами бедуинов следует искать вовсе не в уважении к ним лично,

³ Значит собственно старец, пожилой, отсюда старший, старейшина.

которое они могли только отчасти внушить при нормальном положении вещей, опираясь на постороннее могущество суверенного великого государства, но в непрерывных, постоянно возобновляющихся римско-персидских войнах и в вечно манивших при этом варваров набегах, так хорошо оплачиваемых добычей. Вот что приковывало к знаменам этих династий самых неукротимых сынов пустыни. Таким образом, положение их было постоянно довольно независимое, по крайней мере каждый раз, когда обе великие державы нуждались в их помощи и не были в состоянии тотчас же строго обуздать нередкое своеволие с их стороны. Но при первой возможности и персидские цари, и византийские наместники умели принимать суровые меры, смещали непокорного начальника и даже отстраняли на некоторое время самих членов династии. В конце концов, однако, наступало снова соглашение, ибо ни арабы на своей узкой песчаной полосе не могли просуществовать в полной независимости от их могучих соседей, ни обе великие державы – без их помощи. Но вот чего, вероятно, не предвидели последние. Их постепенный упадок благодаря губительным для обеих сторон войнам, их возрастающую слабость зоркий глаз бедуинов-союзников подмечал отчетливо. В своих бесчисленных, иногда глубоко внутрь неприятельской стороны проникающих хищнических набегах они все более и более свыкались с мыслью, что римляне и персы могут сделаться со временем легкой и выгодной добычей арабских полчищ всадни-

ков. Лишь в недавнее только время признано всеми историками за неопровержимый факт, что сама политика Византии и Ктезифона послужила раскрытию глаз арабам. Даже те из них, которые кочевали далее, по ту сторону Сирийской пустыни, благодаря доходившим до них со всех сторон слухам о походах их земляков постепенно теряли страх перед могуществом великих держав. А прежде влияние это было велико и распространялось далеко вглубь Аравии, хотя и теперь еще державы так или иначе силились поддерживать свой давний престиж.

Та же самая неопределенность власти замечается и в отношениях обеих династий к своим подданным. Коротко и метко формулируются они одним из персидских царей (по всей вероятности, Гормиздом IV, около 580 г.). Перед инвеститурой в королевский сан он спросил хирийца Нумана V: «Сумеешь ли ты держать в повиновении и порядке арабов?» Конечно, это было нелегко даже в Сирии, всей унизированной по границам крепостями, тем паче на открытой равнине Евфрата. Поэтому если вообще князья обеих династий не отличались особенной кротостью, то про Лахмидов в Хире прямо можно сказать, что они все без исключения отличались необычайною жестокостью. Это были люди поистине варварской расы. Прозвание Имрууля Кайса II (до 400 г.) было ал-Мухаррик, что значит собственно «сожигатель». Он предпочитал всем наказаниям сожжение живьем. Про аль-Мунзира III (505–554) рассказывают, что он часто пленных приносил

в жертву идолам. Так поступил он раз с взятыми им четырьмястами христианскими монахинями. Несколько мягче, кажется, были Хассаниды. Издавна они приняли христианство (как большинство христиан Передней Азии, были монофизитами) и находились в постоянных сношениях с цивилизованными греками.

По своему положению в качестве форпостов враждующих великих держав обе династии стали, естественно, друг к другу во враждебные отношения. В больших сражениях, рядом с главными действующими армиями держав, Хассаниды и хирийцы резались друг с другом в кровопролитных стычках. Никакой надобности нет следить за всеми этими отдельными схватками и хищническими набегами шаг за шагом. Достаточно упомянуть лишь о некоторых главнейших фактах истории династий, характерных либо самих по себе, либо по отношению к великим державам и важных для дальнейшего понимания развития истории арабов.

Самым знаменитейшим из Хассанидов был Харис V (Аретас, по византийским летописям), прозванный аль-Арадж – Хромой (530–570). Дабы противопоставить арабским вассалам Персии равно сильный, однородный пограничный оплот, император Юстиниан соединил доселе разрозненное командование арабскими ордами в одних руках и даровал избранному лицу титул короля (обаятельный в глазах арабов) и патрикиос (согласно византийскому этикету). Вначале, впрочем, ничего из этого не вышло хорошего для визан-

тийцев. Хариса неоднократно побивали. Было слишком очевидно, что он вовсе не заботился одерживать победы в пользу византийцев, жаждал, скорее, одной добычи. Его имя, кроме того, опозорено на скрижалях арабских летописей жестокой расправой с одним евреем по имени Самуил, сыном Адия. Этому человеку киндит Имрууль Кайс, величайший из поэтов арабских, перед отъездом своим в Константинополь отдал на сохранение весь свой скарб, пять драгоценных кольчуг редкостных качеств. Самуил торжественно обещал ему не отдавать их никому, пока тот не вернется назад. По пути в Византию Имрууль Кайс должен был проезжать чрез владения Хариса и совершил этот проезд под охраною отряда его войск. Об отношении его к Самуилу стало поэтому вскоре известно филарху. Между тем вскоре Имрууль Кайс на возвратном пути умер, а Харис случайно, во время одного из своих набегов, приблизился к местечку Аблак, местопребыванию Самуила (поблизости Теима, в северо-западном углу Аравии). Принц потребовал от Самуила немедленной выдачи кольчуг. Добросовестный еврей отказался наотрез исполнить приказание. Тем временем Харис успел захватить сына Самуилова, уже взрослого юношу. Попал он ему в руки случайно, на возвратном пути с охоты. Деспот стал грозить отцу смертью сына на его же глазах, если станет упорствовать. Самуил непоколебимо стоял на своем: пусть лучше погибает сын, думал он. И сына умертвили, а Харис должен был удалиться ни с чем. Такой пример героизма и неуклон-

ного исполнения взятого на себя обязательства изумил даже арабов, чрезмерно чутких в делах чести. И память этого мужественного человека они почитают и поныне.

Под старость только удалось Харису одержать блестящую военную победу. В 554 г. вздумал старый Мунзир III, король Хиры, побеждавший не раз Хариса, двинуться снова к сирийским границам. Умудренный вечными неудачами, решился на этот раз Харис прибегнуть к хитрости. Он выбрал из всего своего войска сотню самых отчаянных головорезов. Чтобы еще более разжечь их пыл, приказал красавице дочери своей Халиме умастить голову каждого воина «халуком», любимейшими у арабов духами. Один из храбрецов не выдержал и сорвал при этом поцелуй с чела прелестной. Глубоко уязвленное чувство чести арабской девушки вылилось в звонкой пощечине дерзкому. Но старый король посмотрел на дело необыкновенно снисходительно и посоветовал девушке не обращать никакого внимания на такие пустяки. Сотня же удалцов немедленно отправилась в лагерь Мунзира и явилась к нему как перебежчики. На этот раз, совершенно случайно, старого степного волка покинула обычная его осторожность. Он принял их дружелюбно. Предводитель кучки храбрецов пользуется первым моментом оплошности, бросается на короля и закалывает его. Во время происшедшего общего смятения Харис со всем войском производит нападение на неприятельский лагерь и наносит своим противникам полное поражение. Эта победа носит у арабов на-

звание «побоища Халимы». И в глазах византийцев с этого времени филарх стал пользоваться особым уважением.

Вскоре после этого (566 г.) понадобилось ему по политическим делам отправиться в Константинополь. Появление этого дикого полуварвара произвело сильное впечатление на весь двор. Долгое время спустя слабоумного императора Юстина II страшали им как пугалом. По смерти Хариса соединенная в руках его власть, как кажется, распалась снова на несколько княжеств. Сыну его, аль-Мунзиру, удалось, однако, в 570 г. разбить наголову короля Хиры Каабуса, и в летописях упоминается, кроме того, целый ряд властителей Хассанидов, между прочим: Амр IV, Нуман VI и Харис VII. Все они покровительствовали выдающимся поэтам, но политического значения древнего Хариса никто из них не имел. Вероятно, старый филарх показался византийцам слишком опасным, и они предпочли снова в каждой пограничной провинции поставить особого независимого филарха. Об одном из них мы еще услышим в эпоху Мухаммеда. В сражении при Гиеромаксе мы встретимся с последним из Хассанидов – Джабалой VI, сыном Аихама. При вторжении мусульман он принял начальство над всеми арабами Сирии.

О династии Лахмидов в Хире мы имеем более сведений, чем о предыдущей. Приблизительно к эпохе Зенобии, то есть после 252 г., следует, по всей вероятности, отнести возникновение этого пограничного государства. Традиция соединяет рассматриваемое событие с именем Амр ибн Адия. По

сказаниям арабов, князь получил королевский титул от царя персидского Шапура I (241–272), то есть право на управление арабами в Ираке. Резиденцией его и наследников его стала Хира⁴, около 10 миль на юг от развалин Вавилона, в трех милях от позднейшей Куфы, между Евфратом и пустыней. Весьма естественно, что авторитет династии распространялся и усиливался между иракскими арабами постепенно. Так, например, до нас дошли известия о жестоких репрессалиях многочисленных бедуинских племен, которые, пользуясь малодетством короля, произвели опустошительные хищнические набеги на Месопотамию и Вавилонию по повелению Шапура II (309–379), причем князю Хиры не было предоставлено никакой роли. Вскоре за тем (около 380 г.) династия Лахмидов совершенно прерывается. На трон возводятся чуждые ей князья.

Но около 400 г. династия Лахмидов снова появляется у кормила правления. Около 420 г. управляет страной Нуман I Одноглазый. Он прославился постройкой замка Хаварнак, который ему воздвиг у Хиры один византийский архитектор по имени Синимар⁵. Согласно легенде, король по окончании постройки замка вместо награды велел сбросить строителя с вершины стены за то будто бы, что он хвастался выстро-

⁴ Слово сирийское, значит «военный лагерь». Таким образом, оказывается, что город получил свое имя не от арабов, а от оседлого местного населения долины Евфрата, которое говорило на сирийском наречии.

⁵ Очевидно, это имя переделано на арабский с греческого.

ить, если захочет, еще более красивый, а как говорят другие – за то, что он объявил, будто знает местечко в фундаменте, и стоит лишь его сдвинуть, как все здание рухнет. Всем известно хорошо, что подобного рода истории тесно связаны обыкновенно с постройкой многих других громадных сооружений. Из всего этого достоверно одно только, что имя Нумана как владельца Хаварнака вошло в поговорку с 600 г.

Наивысшего могущества достиг дом Лахмидов при сыне Нумана, аль-Мунзире, который стал управлять, как известно достоверно, до 420 г. И византийцы называют его «Аламундарос, король сарацин»⁶, то есть доблестный, воинственный муж. Надо полагать, что он со своими арабами вмешивался в вечные споры о троне Сасанидов и, без сомнения, поспособствовал воцарению в Персии в 420 г. Бахрама V Гора, которого он знал раньше, во время продолжительного, может быть, и принужденного пребывания его в Хире. Но в возгоревшейся вскоре затем войне с византийцами (420–422), после страшного опустошения Месопотамии, королю нанесено было чувствительное поражение. При его преемниках продолжалась и далее без перерыва, с переменным счастьем, борьба против византийцев и Хассанидов. Но в то время, когда обе династии стояли друг против друга с оружием в руках, выросла внезапно между ними третья держава, которая на короткое время отодвинула совершенно Лахмидов на задний план.

⁶ Настоящее происхождение имени сарацин и по сие время еще не найдено.

Было это в начале второй половины V столетия, когда племя кинда стало проявлять свое влияние в центре Аравии. Хотя по происхождению с юга Аравии оно отличалось нетерпимостью ко всем остальным обитателям полуострова, ему удалось, находясь в центре юга Неджда, образовать коалицию из больших племен ваильбекр и таглиб, а также некоторого числа и других для похода в первый раз к северным границам пустыни. Уже издавна распространялись слухи по Центральной Аравии о больших добычах, собираемых в своих походах сирийскими и иракскими родственными племенами, предводимыми Хассанидами и Лахмидами. Они глубоко врезывались в Месопотамию и Сирию каждый раз, когда возгоралась снова и снова вечная война между персами и византийцами. Главе кинда, аль-Худжру, по прозвищу Акиль аль-Мурар⁷, посчастливилось соблазнить арабов приманкою удовлетворения страсти их к грабежу и увлечь за собою вышепоименованные племена. Уже в 480 г. находим мы власть союза кинда распростирравшеюся до границ Хиры, а влияние последней на соседних арабов – чрезвычайно ослабленным. По смерти Худжра новооснованный союз, по-видимому, на некоторое время снова распался: сыну его, Амру, не удалось удержать в связи племена, и вскоре он должен

⁷ «Пожиратель горькой травы» – Мурар – значит горькое растение, при жевании его губы и рот стягиваются. О происхождении этого названия существует целая история, которая, как это часто бывает в подобных случаях, очевидно, придумана позднее и доказывает одно только: что арабы сами ничего положительного об этом не знают.

был ограничиться владениями на юге Центральной Аравии, в то время как на севере принял начальство Кулейб, смерть которого произвела жаркие раздоры между братскими племенами бекр и таглиб. В это время продолжалась, почти без перерыва, знаменитая сорокалетняя война, но в момент, когда обоим племенам опротивели ссоры, Харису, сыну Амра, киндиту, удалось на некоторое время водворить между ними мир и одновременно возобновить коалицию племен Центральной Аравии.

Харис был личностью замечательной. Необыкновенно деятельный, он обладал к тому же способностью даже из непостоянных элементов образовывать грозную силу. К 496 г. силы его возросли настолько, что он мог броситься снова между Хирой и Сирией, наводняя Палестину и прилежащие страны громадными полчищами. Оба его сына во главе многочисленного войска произвели страшнейшие опустошения. В конце концов наместнику византийскому Роману удалось прогнать дерзкие орды разбойников и даже взять в плен одного из начальников. Но около 500 г. снова возобновились набеги, и византийцы вынуждены были во избежание опасных диверсий во фланг, при вновь начинающейся войне с Персией, вступить в переговоры с Харисом. Посланный, дед историка Ноннозуса – он же это сам и рассказывает, – прибыл в 503 г. к главе киндитов. По заключенному условию, император Анастасий должен был выплатить громадные суммы, дабы обезопасить свои сирийские провин-

ции. Выговорено было также, что воинственный князь бедуинов свои беспокойные полчища направит против вассалов Персии, арабов Хиры. Король их Нуман III, сын Асвада, как раз в это время со своими лучшими войсками сражался под знаменами персов в Месопотамии против византийцев. Поэтому всадники-киндиты наводнили беспрепятственно плохо оберегаемое пограничное королевство и завладели им. Когда Нуман в сентябре 503 г. вследствие ранее им полученной раны умер под стенами Эдессы, вся его страна, за исключением Хиры, была уже в руках неприятеля.

Между тем новый завоеватель не мог долго продержаться в том блестящем положении, на которое вознесли его изумительная деятельность и искусное пользование обстоятельствами. В 506 г. византийцы заключили с персами мир, а еще ранее, в 505 г., появился в Хире князь не менее энергичный, чем Харис, но еще более необузданный; это был Мунзир III, сын Имрууль Кайса III и Ма ас-Семы⁸, дочери великого племени раба, женщины замечательной красоты, которую король в одном из набегов на Восточную Аравию захватил и взял в жены. В память ее звали обыкновенно и сына Мунзир ибн Ма ас-Сема. Он был поистине чистейшим типом варвара, хотя существует, впрочем маловероятное, предание о принятии им в преклонных годах христианства. Но нельзя от него отнять, что он был дельным властелином и во мно-

⁸ Что значит «Небесная вода», что-то вроде росинки. Намекает ли имя на красоту или чистоту души – неизвестно.

гом не уступал своему предку, носившему первым то же самое имя.

Киндит потерпел вскоре ряд неудач. Бедуины таяли в его руках, лишь только заметили, что вместо легких хищнических набегов дело теперь идет о горячих, упорных битвах. Племя за племенем уходило на свои старинные пепелища. Наконец Мунзир напал на самого Хариса и на оставшееся ему верным маленькое войско. Разбитый наголову, потеряв все свои сокровища, с большим трудом ускользнул он от преследователей. Сорок плененных, все члены семьи Акиль аль-Мурара, по приказанию Лахмида были обезглавлены. После долгих лет скитальчества, в 529 г., попал и он сам в руки Мунзира и был казнен, несмотря на то что дочь его Хинда, плененная, вероятно, в одном из прежних походов, стала женой победителя. Эта женщина была набожной христианкой, в Харе основала она монастырь, церковь которого, по свидетельству одного мухаммеданского писателя, сохраняла долго надпись, свидетельствующую об имени строительницы.

Братья ее, сыновья Хариса, провели всю жизнь в бесплодных стараниях собрать снова воедино отпавшие племена. Один из них, Худжр, навлекший ненависть Асадитов, был ими умерщвлен. После него остался сын Имрууль Кайс. Вся жизнь его протекала в блужданиях от одного племени к другому. Страстно желая отомстить за смерть отца и ища возрождения величия своего дома, он метался, не находя ни мира, ни успокоения, а цели удовлетворения честолюбия не мог

достигнуть. После каждого поражения снова принимается он за безнадежную борьбу с бесчисленными своими неприятелями. Его неисчерпаемая жизненная сила даже на краю опасности дает ему способность внезапно увлекаться придорожным цветком, а иногда даже сорвать мимолетное удовольствие, прежде чем броситься снова в водоворот отчаянной борьбы. Арабы называют его «блуждающим королем» и признают за своего величайшего поэта.

Подобно его борьбе и любовным похождениям, романтичен был и конец его жизни. Когда император Юстиниан около 530 г. задумал снова подготовить персам всюду ущерб и вред, пришло ему в голову попробовать восстановить Киндийское государство, которое уже раз принесло пользу византийцам. Снова посланы были агенты для переговоров с филархом Каизосом. Был он рекомендован эфиопским наместникам Южной Аравии, находившимся в дружественных отношениях с Византией. Но когда оказалась очевидной неисполнимость планов варвара, пригласил его император в конце концов в Константинополь, чтобы дать ему убежище внутри Византийского государства и предложить какую-нибудь почетную должность. Имрууль Кайс не отклонил зова. Оставив на попечение Самуила ибн Адия весь свой скарб, пересек Сирию и Малую Азию и прибыл в столицу. Прием был чрезвычайно радушный; после продолжительного пребывания он был назначен филархом Палестины. Но по дороге к своему новому посту застигла его внезапная смерть в

Малой Азии, в Ангоре. По арабскому сказанию, и довольно вероятно, он был умерщвлен по приказанию самого Юстиниана. Говорят, император был оскорблен лично этим высокосимпатичным, но легкомысленным героем, успевшим соблазнить одну из принцесс. Этот рыцарский облик, который и поныне оваян чудно поэтической дымкой, отличался поистине необузданной страстностью и дикой отвагой Дон Жуана.

Никем не тревожимый, страшный Мунзир мог между тем утверждать снова в Хире владычество своей династии и со своими ордами бедуинов, всюду немилосердно грабящими, стать страхом и бичом византийских пограничных провинций. Сын его Амр (554–568 или 569) под влиянием матери своей, Хинды, стал христианином, хотя это сведение не вполне достоверно. Так или иначе, это ему нисколько не мешало подражать отцу в его жестокостях. Царствование его памятно арабам, так как в эту эпоху родился в Мекке Мухаммед.

Он и его брат-преемник Каабус (569–573) продолжали, разумеется, вести упорную войну с Хассанидами. Последнему, впрочем, в 570 г. они подготовили весьма неприятную ловушку. Мунзиру IV (тоже сыну Хинды) наследовал последний Лахмид, сын его Нуман V. Сказание передает, что из всех двенадцати сыновей Мунзира он один был уродлив и мал ростом, лицо его было покрыто красными пятнами и струпьями, притом это был человек неуживчивый, хотя имел

большую склонность к женщинам и поэтам и обладал тонким чувством ко всему изящному. Когда царь Персидский⁹ стал переспрашивать одного за другим братьев, можешь ли ты держать арабов в повиновении, получал один и тот же ответ: да, всех, кроме Нумана. Один только Нуман ответил просто «да». А когда король спросил его дальше: а братьев твоих? Он ответил сухо: если уж с ними не справлюсь, то с другими, конечно, и подавно. Таким образом, власть была вручена ему, и он управлял страной приблизительно в 580–602 гг. Не много принес он пользы персам и выказал при этом в разных случаях полное неповиновение, так что Хосрой II принужден был его устранить. Заманили его хитростью в Ктезифон, где он погиб.

Вместе с Нуманом пресекался гордый род Лахмидов. Дочь его, Хинда, ушедшая после его смерти в монастырь, пережила не только падение Персидского царства, но и первую междоусобную войну мусульман. Она умерла в 660 г. Гораздо ранее, а именно в 633 г., пал последний мужской отпрыск династии, находясь во главе восставших арабских орд, незадолго до вторжения мусульман.

Становится теперь понятным, каким это образом византийцы и цари Персидские пришли одновременно к одной и той же мысли – ограничивать или совсем отстранять сделавшихся слишком могущественными начальников арабских

⁹ Хосрой II, Парвиз по прозванию. Но согласно хронологии, это был, должно быть, Хормизд IV.

племен. Все же раздробление сирийских ленных владений, а еще более уничтожение династии Хиры были непростительно грубые ошибки, за которые последовало вскоре жестокое возмездие. Мало-помалу между пограничными арабами, привыкшими к грабежу и опустошениям, окончательно исчезло уважение к внешней силе великих государств. А тут еще, как назло, расторгнуты были единственные, хотя и мало их сдерживающие узы. Персидские наместники и арабские фигуранты, отныне поселившиеся в Хире, теряют окончательно почву под ногами. Они не в силах держать в повиновении арабов Ирака и не могут вдохнуть никакого уважения соседним бедуинам полуострова. И вот, спустя несколько лет после низложения Нумана, вторгаются бену-бекр, жившие за последние десятилетия в тесной дружбе с Лахмидами, в область Хиры. Затем наносят чувствительное поражение соединенным силам персов и арабов племени таглиб, переселившегося по окончании сорокалетней борьбы на правый берег Евфрата, неподалеку от города Зу-Кар, и несут опустошение далеко вглубь страны (между 604 и 610 гг.). Нет ничего поэтому удивительного, что 25 лет спустя первые великие халифы и военачальники мусульман не находят рискованным повторить нападение еще более серьезное, но предпринятое ими со значительно более громадными силами конных бедуинов.

В то время, в начале VII столетия, весь север Аравии кипел брожением и пограничные племена стремились нахлы-

нуть на соседние великие державы, бывшие доселе с ними в близких отношениях. На южных же окраинах великого полуострова история как бы расплывается в песке. А некогда и там существовали могущественные государства, противостоявшие элементам севера, силившимся распространиться, непреодолимое сопротивление.

Искони, насколько известно, между обеими родственными расами, населявшими Аравию, существовало глухое соперничество. Уже в Ветхом Завете отмечено глубокое различие между детьми измаилитов, беспокойными бедуинами севера, и более оседлыми, приобвыкшими издавна к государственному порядку людьми Сабы, населявшими юг. Почти поперек всей страны лежит непроходимая граница, отделяющая обе народности, это великая южная песчаная степь (именуемая ныне Роба-аль-Хали). Если по северной границе ее протянуть к западу линию, то она достигает Аравийского залива на один градус приблизительно южнее Мекки. Черта эта обозначает раздел, хотя и не совсем точно, отодвигаемых часто границ того пространства, где кончается естественная, положенная природою перегородка.

Библия ведет происхождение Сабы от Иоктана (Кн. Бытия, Моисей, 10: 29) и называет поэтому южных арабов иоктанидами, а северных – измаилитами. В частности этнографические особенности не выступают совершенно ясно. Но в стране, заселенной измаилитами, находившейся издавна в связи с Сирией и Месопотамией, поселялись, например,

по самой сути вещей, в большом количестве евреи, и потому первоначальная народность не могла остаться во всей чистоте благодаря разного рода примесям чуждых элементов. Поэтому в населении Сабы, естественно, сохранился более чистым настоящий тип арабский. Ко времени наступления настоящей исторической эпохи происходило, конечно, наоборот: измаилиты поэтому чувствуют и по сие время, что они именно истые представители арабской культуры, но древнейшие следы истории указывают в действительности на то, что задолго до измаилитов иоктаниды достигли уже достойного внимания культурного развития. Они издавна населяли, на юге полуострова, страну Йемен¹⁰. И до сих пор неизвестно время поселения их там, но несомненно, что это случилось много столетий до Р. Х. и что они же заняли соседнюю гористую африканскую Абиссинию. Проникнуть туда через Баб-эль-Мандебский пролив было не трудно. Не подлежит сомнению, что колонии семитов мало-помалу смешались тут с местными африканскими элементами, так что обыкновенно обозначаемых жителями Абиссинии эфиопов исторических времен следует считать за чистых арабов. Во

¹⁰ Слово «Йемен» обозначает, собственно, «правую сторону» или же «справа», между тем страна справа, если обратиться на восток, была бы именно юг. Таким образом, обозначение места получило свое название от северных соседей. А так как у арабов правая рука считается приносящею счастье и многие от этого корня происходящие выражения употребляются со значением «счастливый, благословенный», то и этому названию по недоразумению дано было значение «Счастливая Аравия», как бы происходящему от этой части полуострова.

всяком случае, оба соседних народа двух материков скоро стали чужды друг другу, и во втором столетии нашего летоисчисления эфиопские короли уже ведут войну с жителями противоположного арабского берега, а в памяти как эфиопов, так и арабов не остается более ни следа прежнего их общего происхождения.

В Южной Аравии между тем возникает множество больших и маленьких независимых государств. В противоположение измаилитам-номадам из городской их жизни возникает стремление к торговле, к тому же на востоке, собственно в Хадрамауте, находилась местность, из которой получался высококочтимый всем Древним миром ладан, а на юго-западе в давние времена добывалось в большом количестве и золото. Кроме того, между гаванями Восточной Аравии и Индией издавна существовало сообщение морем. Индийские продукты, в особенности пряности и редкие животные, привозились к берегам Омана. Отсюда шли транспорты, как кажется, еще с X столетия до Р. Х., сухопутьем к Аравийскому заливу. Здесь грузили товары на корабли и отправляли в Египет, ко двору фараонов и его вельмож. Здесь именно, в этом юго-восточном углу упомянутого моря, следует искать страну Офир, с которой Соломон завел на короткое время прямые торговые сношения, при помощи Хирама Тирского. Благодаря трудностям плавания по Красному морю в те времена, приблизительно в VIII столетии, предпочитали сообщение сухим путем из Йемена в Сирию.

Из Сабота (так в древности назывался арабский Шабват), главного города хатрамотитов (Хадрамаут), проходил караванный путь в Мариabu (Мариб), в стране сабеев, а затем через центр Аравии направлялся на Макорабу (позднее Мекка), через страну мидианитов, и, пересекая полуостров Синай, достигал Петры и Газы, лежащих на Средиземном море. Здесь и был главный складочный пункт торговли между Востоком и Западом. Соответственно этому встречаем мы между страной ладана, Хадрамаутом, и Красным морем два довольно большие владения: к востоку минеев, заимствовавших свое название от главного города Манн (от него одно время зависела непосредственно страна ладана), а на западе примыкающие к нему владения Сабы с резиденцией Мариб. Вокруг них группировался целый ряд маленьких княжеств, которые более или менее находились от них в зависимости. В особенности влияние Сабы распространялось далеко на север. Жизненные интересы страны требовали, чтобы путь караванов до самой земли мидианитов был свободен и безопасен для перевоза по нему дорогих продуктов. И если мы замечаем в стиле многих построек, а равно и в мифологии сабеев ясные следы непосредственного влияния ассирийско-вавилонской культуры, то этого нельзя иначе объяснить, как следствием многообразного, достаточно непосредственного и тесного взаимного общения.

Несомненно, что ассирийцы держали в повиновении не только всю Сирию, но и бедуинов североаравийских степей,

а потому и арабы юга должны были волей-неволей еще перед восьмым столетием для ограждения спокойствия торговли обратиться к ним же. В течение целых столетий государства Саба и Манн если и не всегда безусловно успешно, то, во всяком случае, старались соблюдать, как это и подобает торговым нациям, взаимную политику мира. И в 25 г. до Р. Х., по свидетельству римлянина Элия Галла, арабы западного берега до самого полуострова Синая оставались торговцами мало воинственными. Так продолжалось еще некоторое время и по Р. Х.

Но тут отношения сразу изменились. Хотя поход, предпринятый Элием Галлом в Аравию по приказанию императора Августа, и не удался – изменнические проводники направляли войска через труднопроходимые местности, а осада после невыразимо трудных переходов достигнутого наконец римлянами Мариба не удалась, так как римский полководец по недостатку воды должен был ее снять, – но во всяком случае торговые предприятия Востока не могли уже более избежать подавляющего влияния Римской всемирной империи. Направление торгового пути сразу изменилось, корабли поплыли прямо из Индии и от берега ладана через пролив Баб-эль-Мандебский направились в Миос-Гормос, египетскую гавань у Красного моря. Таким образом обойдены были все внутренние складочные места торговли. Мало-помалу гордые дворцы Сабы обезлюдели, искусственные водоснабжения, при посредстве которых пески пустыни пре-

вращались в плодоносные поля и сады, стали приходить постепенно в упадок.

Арабская легенда, видимо, старается сжать длинный исторический процесс, обнимающий более столетия, в один конкретный факт. По этому сказанию, процветание Мариба и всего Йемена всецело зависело будто бы от гигантской плотины, считавшейся чудом света, назначение которой было защищать город и его окрестности от вод горных потоков. Вот эта самая плотина (событие приурочивает легенду к середине II столетия по Р. Х.) вдруг прорвалась, воды хлынули, затопляя город и окрестности. Катастрофа произвела ужаснейшее опустошение, последствия которого никто не сумел устранить. Большая часть населения вынуждена была выселиться и искать пристанища на севере и далее в Сирии. Так объясняют арабские историки появление в этих странах большего числа племен южноарабского происхождения.

Плотина Мариб частью сохранилась и поныне, виднеются и теперь громадные каменные столбы, между которыми, вероятно, находились ворота шлюза. Очень возможно, что подобного рода катастрофа действительно имела место. Но если предположить, что город и страна, хотя до известной степени, находились тогда в цветущем положении, было бы, конечно, нетрудно восстановить прорвавшуюся плотину и снова обратить поля, засыпанные песком, в плодородные. Поэтому надо полагать, что упадок государства и его резиденции предшествовал наводнению, и причину его главным об-

разом следует искать в прекращении движения караванов по старинному торговому пути. Отклонение торговли по морскому пути – вот объяснение вполне удовлетворительное. Хотя в I столетии по Р. Х. еще упоминается о царстве сабеев, но только в связи с гомеритами и, как их называли древние, химьярами по арабскому произношению, то есть береговыми племенами, обитавшими между сабейцами и морем. Уже тогда резиденцией союзного королевства был не Мариб, а Зафар, лежащий ближе к морю. Позднее о сабейцах более нет и помину, говорится только о химьярах. Так что древнее королевство Южной Аравии, так еще недавно процветавшее, равно как и его памятники, считается уже принадлежностью химьяров.

Несмотря, однако, на перенесение центра тяжести южно-аравийской цивилизации теперь ближе к морю, царство химьяров никогда не могло достигнуть степени процветания древней Сабы. При сложившихся новых обстоятельствах оно очутилось в виде промежуточной станции для индийской торговли. Собственные продукты Йемена – между которыми золото постепенно отступает на задний план, а позднее, в VI столетии, выдвигается кожа – недостаточны были для того, чтобы страна удержала свое прежнее первенствующее положение. Но вплоть до самой эпохи ислама живой обмен местных продуктов с таковыми же Сирии все еще продолжается по старинному караванному пути, пролегающему через Мекку, а из гавани Красного моря ведется торговля с Абисси-

нией, откуда с давнего времени получались слоновая кость, пряности и другие продукты. При этом вся торговля стала более, чем прежде, когда центр могущества лежал глубоко внутри страны, подчиняться влиянию иноземному и различного рода нападениям. И в старину никогда особенно не заботились о содержании военных сил в достаточном количестве, теперь же, со времени перемены направления торгового пути, охрана значительно ослабла.

Мало-помалу большинство жителей Йемена подпадает под власть иноземную. Нападение эфиопов во II столетии на аравийские берега повторяется снова и все с более возрастающим успехом. Египетские миссионеры, успевшие ввести христианство в Эфиопию, появляются уже в IV столетии в столице химьяров, а в Адене построены были даже церкви. Несколько позднее король Аксума, столицы Эфиопии, носит уже титул короля аксумитов и гомеритов. Очень может быть, что он только по обычаю восточных властителей и пользуясь счастливым походом внес имя неприятельской страны в свой официальный титул. Во всяком случае, это значит, что, хотя бы ненадолго, он владел югом Аравии. И действительно, в VI столетии императоры византийские Юстин I (518–527) и Юстиниан I (527–565), желая так или иначе защитить себя от персов, пускались на всевозможные хитрости по отношению к их вассалам в Хире, дабы противопоставить им сыновей пустыни. Для этого самого они обратились к королю Аксума, прося его, чтобы он укрепился в Йемене и оттуда действовал

на племена Центральной Аравии.

Возник целый ряд войн между эфиопами и химьярами. История их в подробностях мало разъяснена; известно достоверно одно, что не раз являлись в Южной Аравии эфиопские наместники и не раз снова были прогоняемы туземными князьями. Также весьма знаменателен факт, что некоторые из них, для противопоставления христианам-эфиопам, пытались ввести иудейство в Йемене. Меж ними особенно выдался один, которого арабы называют Зу-Нуvas. Он возбудил даже кровавое преследование христиан, давно уже укоренившихся в местности Неджран. Существует затем известие об одном эфиопском наместнике в Йемене, по имени Авраам, по арабской же транскрипции Абрах. Он предпринял даже походы против Мекки с целью завоевать город и ввести в него христианство, но неожиданно должен был вернуться, как кажется, потому, что в его войске, подобно как у Санхериба, под Иерусалимом, распространилась заразная болезнь (вероятно, оспа). Этот поход особенно памятен арабам, потому что за войском тянулись слоны, надо полагать привезенные из Африки. Аравитяне прозвали поэтому Абраха «слоновым человеком», а как все историки утверждают единогласно, что в этом самом году родился Мухаммед, то поход «слоновьего человека» следует отнести к 570 г.

Ничего более достоверного, впрочем, об этом событии не известно. Во всяком случае, персы нашли необходимым серьезно противостоять эфиопским вторжениям в Аравию, опа-

саясь, что рано или поздно они будут в состоянии произвести значительную диверсию во фланг королей Хиры. Они успели ловко воспользоваться отвращением йеменского народонаселения к эфиопскому владычеству. Сейф, сын Зу-Иезена, потомок старинного королевского рода химьяров, отправился, как говорят, в Ктезифон, чтобы побудить короля Персидского Хосроя Анушарвана идти походом в Южную Аравию. Во всяком случае, достоверно то, что Хосрой послал флот с десантом под предводительством Вахриза, и он прибыл через Персидский залив в Аден. При помощи возбужденных Сейфом к восстанию арабов ему удалось прогнать эфиопов. Персы посадили на трон преданного им Сейфа, а сами удалились. Но когда тот стал жестоко гнать живших в стране эфиопов, его вскоре умертвили, а страна была порабощена снова.

Вахриз вернулся с еще более сильным войском уничтожить окончательно врага африканского и остался в стране в качестве персидского наместника. С этих пор Йемен стал подвластен персам, но они благоразумно довольствовались умеренной податью и общим наблюдением. Вице-король Персидский поселился в главном городе Сана, меж тем как управление предоставлено было, собственно говоря, самостоятельным отдельным князьям, выбираемым из старинного королевского рода. Страна успокоилась и была довольна, а о развитии особенной внешнеполитической деятельности на этом столь отдаленном poste персидскому наместни-

ку нельзя было, конечно, и думать. Поэтому нет ничего удивительного, что Йемен не сыграл никакой роли в наступавшем вскоре всемирном событии.

Займемся же теперь ближайшим топографическим описанием местности, выступающей на политическую арену всемирной истории. Между плоскогорьем Неджд, которое ограничено по направлению к Красному морю довольно непроходимым пограничным хребтом, и берегом лежит страна Хиджаз (пограничная провинция). Эти горы во многих местах подходят близко к самому морю – остается узкая береговая полоса, страшно знойная и нездоровая, с двумя маленькими гаванями. Зовут ее Тихама (низменная земля). Собственно Хиджаз – страна гористая, состоящая главным образом из двух параллельных отрогов гор. Одна из цепей идет вдоль моря, а другая – по направлению к Неджду. Между ними помещается что-то вроде плоскогорья, или так называемой седловины. Оно тоже искрещено вдоль и поперек множеством неправильных горных кряжей. Эта седловина, понятно, есть тот путь караванов, который вел из Йемена в Палестину и к Синайскому полуострову. Здесь задолго до Р. Х. шел торговый путь из Сабы через Макорабу и Ятриппу к Петре. Древняя Макораба была не что иное, как Мекка. Ятриппа – очевидно, Иасриб, как называли до Мухаммеда Медину. Оба города были станциями караванного пути и до рождения Иисуса Христа имели известное значение.

Об их тогдашних жителях ничего точного, впрочем, не

известно. Насколько можно судить по сбивчивым сказаниям позднейших времен, первоначально его жители состояли из разнообразнейших элементов вперемежку с людьми, проникнувшими с севера. В эпоху Мухаммеда по всему северу Хиджаза разбросаны были многочисленные поселения иудеев. Если принять к тому же во внимание, что задолго до выступления пророка самое основание святыни Мекки приписывается обыкновенно Аврааму, если далее оказывается, что ни одного названия лиц и местностей, о которых пойдет речь, нельзя объяснить арабскими словами, то весьма естественно сделать заключение, что переселения с сирийских границ имели место издавна. Нет надобности доказывать, да едва ли и было бы это вероятным, что первыми переселенцами оказывались иудеи. Нельзя также предполагать, что это были эдомиты или амалекиты. Мы слишком мало знаем вообще об этнографии сирийско-арабских пограничных округов в древности, чтобы предложить подобные определенные предположения. Но во всяком случае, можно сказать утвердительно, что задолго до Р. Х. население состояло из разнообразнейших смешанных элементов, постепенно и окончательно арабизировавшихся. Это народонаселение имело своим средоточием Мекку, а здесь издавна находилось святилище совершенно неарабского характера, Кааба.

В начале нашего летосчисления грек Диодор видел ее собственными глазами и описал как место в высокой степени почитаемое арабами. Обезопасить себя от хищнических по-

ползновений сынов пустыни, которые ежеминутно и легко могли спуститься с гор на торговый путь с целью напасть на тянущиеся к северу караваны, было главной заботой жителей Мекки и ее окрестностей. Вот и основало купеческое сословие союз племен Хиджаза, который имел своим религиозным средоточием пункт всеобщего почитания Каабу. Союзу этому удалось постепенно неверующих вначале, но суеверных бедуинов держать в субординации и даровать им вместе с тем возможность вступления в члены союза. Ежегодно праздновался с большим торжеством, внутри и в окрестностях Мекки, праздник весны, как это встречается у большинства семитов. Обычай этот перенесен сюда с севера древнейшими переселенцами. На празднества приглашались и остальные племена. Дабы привлечь их, устраивались вместе с религиозными церемониями большие ярмарки, которые открывались во многих местностях, по соседству с Меккой, до и после периода празднеств. Здесь же сыны пустыни обменивали выделанные кожи возвращенных ими же выючных животных и вообще все то, что в течение года получалось от их загородками обнесенных пастбищ, разного рода продукты цивилизации: драгоценные ткани Сирии, разные украшения, выделяемые в большом количестве искусными иудеями Северного Хиджаза, и многое другое, что считалось между полуварварскими номадами редкостью и предметом вожделений. Поэтому нет ничего удивительного, что даже бедуины поняли, в какой мере подобного рода отноше-

ния требуют с обеих сторон миролюбия и прекращения, хотя бы на срок ярмарок, излюбленных ими хищнических набегов.

И еще за некоторое время до Мухаммеда удалось горожанам установить, чтобы в течение четырех месяцев в году царствовал мир не только в области торговой конфедерации Мекки, но и почти повсеместно по всей Аравии. В это спокойное время отдельные племена могли посылать своих делегатов в Мекку для устройства дел. Возвращались они назад, никем не обижаемые. А при замечательных церемониях торжественного служения Богу и приношения ему жертв могли присутствовать и посторонние. Иноземцы не могли не замечать, что подобная образцовая набожность жителей Мекки даровала им благословение свыше, благоденствие и успех. Поэтому многие стали вскоре обдумывать, как бы и себе самим доставить такие же осязательные выгоды. Мало-помалу начали участвовать и посторонние в религиозных обрядах, необычность пышной церемонии которых должна была спервоначалу производить сильное впечатление на людей простых. Умные купцы Мекки все были готовы сделать, лишь бы облегчить им приступ к их выработанным обычаям. Они охотно ставили и внутри, и возле Каабы кроме своих собственных также и изображения идолов чуждых им племен. Таким образом, мало-помалу они достигли того, что всякий араб, не слишком далеко живший от них, признавал в храме Мекки и свою святыню. Божество Каабы, хотя бы

он и редко прибегал к нему, становилось в конце концов его собственным, ибо над сонмом идолов, даже в Аравии, преобладали все высившегося «неведомого бога», всюду царил древний бог семитов: Иль, или Илях, как звали его арабы севера. Вероятно, благодаря влиянию иудейскому он был нечто вроде всеотца богов предков, почитаемый не непосредственной молитвой и богослужением, но пребывающий в сознании народном, как бы невидимо присутствовавший в качестве властителя Каабы. Так зачалось богопочитание, после того как могущество древних сабеев оказалось недостаточным для поддержания безопасности караванного пути, идущего на север. Так постепенно, хотя и в весьма ограниченных размерах, зерно гражданских порядков Мекки сделало ее первенствующим городом не только Хиджаза, но и отчасти большинства арабских племен.

К середине периода этого гражданского развития, надо полагать, следует отнести время отклонения торгового пути и переселения йеменских племен ближе к северу, что произвело также и в Мекке большие перемены. Толпы южных арабов вторглись в Хиджаз. Одни здесь осели, между тем как большинство потянулось далее на север. Около Мекки и в самых стенах ее поселилось племя бенухузаа, предводительствуемое именуемым впоследствии Амр ибн Лухай. Про него именно мусульмане говорят, что вместо чистого богопочитания, которое господствовало доселе в Мекке, он ввел идолопоклонство. Понятно, на это следует смотреть толь-

ко как на теологическое препирательство. Но тем не менее весьма вероятно, что южные арабы, смешавшись с прежними горожанами Мекки, позаботились прежде всего поместить в Каабе и своего племенного божка. Приблизительно еще ранее V столетия новые переселенцы захватили в свои руки власть в Мекке и оттеснили на задний план племя бену-куррейш – так звали прежних распорядителей в городе.

В упомянутое время, как рассказывают, проживала в Мекке Фатима, вдова Килаба, одного из наиболее уважаемых всеми курейшитов, со своими двумя сыновьями Зухрой и Зейдом. Когда первый из них был уже юношей, а другой еще ребенком, вышла она замуж за одного человека из южноарабского племени узра¹¹, который жил в то время к северу от Иасриба, позднейшей Медины. За ним последовала она и на его родину и подарила ему сына Ризаха. Вместе с ним воспитывался и Зейд, а Зухра оставался в Мекке. Так как Зейд вырос вдали от отчего города, получил он прозвище Кусай¹². Когда он возмужал и узнал о своем происхождении, вернулся назад в Мекку. К тому времени Кааба перешла

¹¹ Это и есть гейневский Асра. Бену-узра, говорит один арабский ученый, славились своей страстностью в любви. Однажды спросили бедуина: из какого он племени? Он отвечал: я принадлежу к тем, которые умирают, если полюбят. Тогда произнесла одна молодая девушка, прислушивавшаяся внимательно к разговору: это узрит, клянусь всемогущим богом!

¹² В переводе – что-то вроде «бедняжка», а по форме – уменьшительное слово от *kassī*, значит «отделенный», «удаленный»; но предание, по-видимому, как это часто случается, нарочито придумало все это для объяснения малопонятного имени.

окончательно в руки хузайтов, старейшина которых Хулейль стоял во главе управления святыней. Кусая удалось снискать его благоволение, так что он отдал ему в жены дочь свою Хуббу. Когда Хулейль состарился и одряхлел, его заступал часто на службе в Каабе зять. Неоднократно приставала к старику Хубба, улещая его назначить ее мужа своим преемником, но Хулейль предпочел ему Абу Губшана, приятеля из своего же племени, и пред смертью вручил ему ключи от храма. Но Кусай заблаговременно задумал вернуть обратно своим одноплеменникам, курейшитам, первенство в городе и в Каабе. Он опоил Абу Губшана, за глоток вина выторговал, пользуясь его бессознательным состоянием, ключи от Каабы. И по сию пору сохранилась у арабов поговорка: «Абу Губшана покупка». Круглого дурака клеймят также прозвищем: «глупее Абу Губшана».

Но Кусай очень хорошо понимал, что хузайты не допустят безнаказанно отстранения их от владения Каабой, поэтому он распорядился заранее призвать к себе на помощь сводного своего брата Ризаха с большой толпой узритов. В соединении с ними и курейшитами удалось ему после упорной борьбы прогнать из Мекки племя хузаа. Сызнова переделал он все управление в городе и самую службу при Каабе. Многие из курейшитов, до того времени рассеянные и жившие промеж соседних племен, были им собраны снова в Мекку. Каждой отдельной семье отведен был особый квартал. В городе воздвигнут был «Дом собрания», куда сходились на совеща-

ние старейшины племени под председательством самого Кусая, тут же сохранялось и военное знамя Лива. Он понудил курейшитов обложить самих себя данью. Сумма эта предназначалась на прокормление беднейших чужеземцев, которые ежегодно приходили на поклонение и принимали участие в больших религиозных празднествах Мекки. Распоряжение этими доходами, названными рифада (вспомоществование), так же как председательство в совете и охранение знамени, сделались по его инициативе почетнейшею должностью. Таковыми же стали: предводительствование на войне (кияда – ведение); заведование колодцами и распределение воды между горожанами, также и во время церемоний паломникам из чужестранцев – столь важное в стране с климатом сухим, почти лишенным дождя (сикая – поение); наблюдение за Каабой (хиджаба – «должность надзирателя») и, наконец, руководство и окончательный роспуск пилигримов во время процессии в городе и окрестностях (иджаза – дозволение, отпуск). Большинство этих должностей Кусай впоследствии закрепил по наследству за главнейшими родами города, а именно: сикая и рифада в роде Абд Менаф, специально в семье Хашим – хиджаба вместе с председательствованием в совете, и Лива – в роде Абд ад-Дар.

Вся эта легенда о Кусеае, которую и до сих пор некоторые новые историки принимают за чистую монету, опять-таки не что иное, как попытка найти для отношений и учреждений времен Мухаммеда твердое историческое обоснова-

ние. В народном предании оно и могло только вылиться сведением всего к одной определенной личности. Кусай такой же, вероятно, в действительности исторический образ, как и Геллен, Эол или Дор. Хотя и фигурирует он в арабских генеалогиях не особенно далеко, а именно – как пятый прадед Мухаммеда, но в настоящее время уже доказано, что эта родословная построена искусственно, позднее, в период мухаммеданский, на основании неверных устных преданий.

Совершенно невероятно, чтобы все эти семьи, которые связаны тут с именем Кусай, были бы действительными потомками единственного лица. Скорее, в генеалогическом дереве следует искать условного выражения того факта, что Мухаммед был сыном Абдуллы, сына Абд аль-Мутталиба из семьи Хашим, а Абу Суфьян – сыном Харба, сына Омеия из фамилии Абд Шемс. Затем обе семьи принадлежали к основной группе Абд Менаф, которая, с некоторыми другими группами, как например: Абд ад-Дар и Абд аль-Узза, принадлежит к отделу Кусай племени бену-курейш. Можно принять поэтому с некоторою достоверностью, что едва ли более трех последних членов этого генеалогического дерева можно считать за отдельные исторические личности. Таким образом, вероятнее всего, Хашим уже не отец, а приблизительно прадед Абд аль-Мутталиба. Абд Менаф же не есть, собственно, историческая личность, а только идеальный представитель факта, что членов семей Абд Шемс и Хашим, живших во времена Мухаммеда, следует считать за дальних род-

ственников, независимо от того, были ли они родственники по крови или же по местному соседству, случайным бракам, либо, наконец, стали в близкие отношения по каким-либо иным причинам.

При этих обстоятельствах, естественно, очень трудно выводить какое-либо заключение о действительности событий. Итак, из всей этой истории Кусая можно усмотреть только некоторые исторические факты. Надо полагать, что около 400 г. – могло быть и раньше – переселившиеся в Мекку южные арабы успели, как это часто случалось, ассимилироваться с местными жителями (женитьба Кусая на девушке из племени хузаа). Такое сплотившееся вместе с южными арабами из племени узра народонаселение предприняло союзную войну против живших вне города и с ними не смешавшихся хузаитов. Причины этого столкновения были, может быть, требования их пользования сообщца Каабой или что-нибудь подобное, что показалось жителям Мекки несправедливым. Сказание же о войне, для городских купцов весьма необычное явление, твердо запало в их память. Это и могло стать той рубежной эпохой, к которой мало-помалу они приурочивали начало всех элементарных порядков, уже существовавших в Мекке ко времени появления пророка. В конце концов эта самая эпоха по известной манере образования мифов была олицетворена в образе Кусая.

Вполне естественно поэтому, что эти отдельные черты легенды в сопоставлении с действительными фактами далеко

не могут быть доведены до совершенно ясного их понимания. Но и в остальном пред появлением Мухаммеда, хотя мало-помалу история выступает на более твердую почву определенных и ближе контролирующих друг друга сказаний, едва ли не труднее будет разобраться. Здесь именно мы натываемся на известия, окрашенные сознательным или бессознательным стремлением придать «посланнику Божьему» и его семье во всем первую роль, что почти всюду извращает события, а отчасти пахнет прямой подделкой.

Следуя этим сказаниям, Хашим, внук Кусая и прадед пророка, был во всех отношениях первым человеком в Мекке. По этим преданиям, он не только исполнял должность кормителя пилигримов, поистине с княжеской щедростью, благодаря будто бы своему громадному состоянию, но и во время голода в Мекке питал все народонаселение, устроив большие подвозы хлеба из Сирии и разделяя между жителями мясо большими порциями. Говорят про него также, что он далеко за пределами Аравии заботился, с большим искусством и успешно, об интересах своего народа. Так, например, передают, что он заключил договор с Византией и Хасанидами касательно беспрепятственной торговли, которую Мекка издавна вела с этими странами. Другим договором с бедуинами обезопасил он будто бы путь караванов, меж тем как брат его заключил мирные условия с христианским королем Эфиопии, химвярами и персами. Наконец, говорят, он организовал торговлю жителей Мекки в той высокой степе-

ни, в какой ее вели и позже, так что каждую зиму отправлялся большой караван в Южную Аравию, а каждое лето – в Сирию. Такое влиятельное положение, какое занял он, не могло не возбуждать зависти, но напрасно стремились соперничать с этим всеми уважаемым человеком, в особенности честолюбивый его племянник Омейя. По смерти Хашима перешли все его титулы сначала на одного из его братьев, а затем на его сына Абд аль-Мутталиба. Сему последнему посчастливилось открыть колодец Земзем, вблизи Каабы, богатый источник великой цены, особенно во время священных празднеств, для снабжения пилигримов. Благодаря этому он занял если не столь блестящее, как его отец, то не менее всеми уважаемое положение, так что попытка Харба, сына Омейи, затмить его славу кончилась равно неудачно, как и соперничество отца его с Хашимом.

На самом же деле было далеко не так. Доказательством этого могут служить отношения Мухаммеда к своим землякам, что очень ясно выступает даже из многочисленных мест Корана. Оказывается, что ближайшие предки пророка были людьми среднего класса. Сравнить их с высшей степени почтенной и зажиточной семьей Омейи никоим образом невозможно. Абд аль-Мутталиб, например, столь нежно любивший своего внука, маленького Мухаммеда, не оставил ему такого наследства, которое хотя бы в некоторой степени могло оградить его от нужды. Что же касается Абу Талиба, дяди пророка, защищавшего его все время, пока он

был жив, и с величайшим самопожертвованием, как известно достоверно, он со всей своей многочисленной семьей терпел крайний недостаток. Поэтому равным образом весьма сомнительно, чтобы должность сикая, распределения воды пилигримам, была настолько почетна, будучи соединена с правом владения колодцем, которым пользовалась семья Хашим. Во времена ежегодного прилива паломников доставляла она, конечно, впрочем не особенно большую, выгоду. Но несколько позднее, на основании тех же маловероятных преданий, должность эта возросла до равного будто бы значения с председательствованием в совете курейшитов и командованием войсками.

В особенности подозрительно то, что величие дома Хашим, по свидетельству самого сказания, постепенно до Мухаммеда приходит в упадок. Так, например, мы видим, что состояние отца его, Абдуллы, даже традиция не решается слишком преувеличивать. По сравнению с ним Абд аль-Мутталиб значительно в большем почете, а мифическому Хашиму приписываются в качестве тогдашнего жителя Мекки невероятные подвиги. В особенности предание о заключенных формальных союзах с персами и византийцами прямо-таки смешно. Сказание о роде Омейи дышит непосредственной наивностью. Члены его искони все были богаты и могущественны, им предоставлено было право командования на войне, о чем упоминается и в истории Мухаммеда, отрицать этот факт не было никакой возможности. Поэтому,

естественно, понадобилось семье Хашим поставить еще выше – отсюда вытекает поразительная и не раз повторяющаяся бессмыслица во всех подробностях рассказа о попытках Омейи и Харба соперничать с предками пророка.

Одно только можно вывести из вышеприведенных известий, что действительно не без некоторых препятствий в течение последних двух столетий стало наследственным руководящее влияние в Мекке семьи Омейи, и, понятно, в самом ограниченном смысле, в котором оно только было возможно между свободолюбивыми арабами. Городские жители Аравии нисколько не уступали бедуинам в этом отношении. Семья, отдел племени, распорядилась в своем квартале свободно и самостоятельно, как бедуины в своих лагерях в палатках, ни от кого не принимая приказаний. Но мирное занятие торговлей, которое более или менее отстраняло внутренние раздоры между семейными группами города, налагало некоторое смягчение чрезмерной впечатлительности чувства чести, так сильно развитого у бедуинов. С другой стороны, влияние богатства и почета имело перевес над всем остальным у слишком расчетливых жителей Мекки. Поэтому в доме собрания большею частью мнение немногочисленных богатых брало перевес, и людям незначительным трудно было бороться с могущественными. К этой-то группе людей малозначащих принадлежали, несомненно, и члены семьи Хашим.

Подобного рода управление, как ни мало заслуживало на-

звания государственной власти в значении современном, тем не менее заключало в себе, сообразно существовавшим в Мекке общественным отношениям, некоторые зародыши ее. По крайней мере, во всей Аравии мы не встречаем ничего подобного, даже в других городах Хиджаза, которые по сравнению с Меккой все же имели некоторое значение, так, например, в Иасрибе, позднейшей Медине. Это место, как и большая часть севера Хиджаза, по дошедшим до нас сведениям, находилось в руках иудеев. Когда и откуда колонизировали они страну – неизвестно. Вероятнее всего, пробились они в аравийские степи, подобно тому, как и в остальные части света, во время возникших между римлянами и иудеями войн, в первое столетие нашего летосчисления. Едва ли возможно предположить, что это переселение случилось еще ранее. Иудеи арабские сильно отличаются от своих единоверцев, поселившихся в других странах, почти во всем. Что же касается повседневной жизни, во время войны и мира, и между ними замечается полное отсутствие государственной организации благодаря разобщенности отдельных племен, ничем не связанных друг с другом.

Одним словом, все их мировоззрение совершенно арабизировалось, удержали они только свою религию и несколько особенностей, сохранившихся несмотря на долгую жизнь в течение многих столетий среди арабов. Меж тем как во всем остальном они приноровились к нравам, господствующим на полуострове. Вот те главные черты, по которым их легко бы-

ло отличить от коренных арабов. Всего чаще живут они в укрепленных городских кварталах, или замках, что, по крайней мере на севере Аравии, считается неслыханной вещью. Занимаются, попутно с торговлей, и возделыванием финиковых пальм, также и ремеслом: в Медине, например, жили иудеи бену-кеинока, славившиеся по всей Аравии как искусные ювелиры. Говорили между собой на особенном жаргоне, помеси иудейского с арабским. Главные города, ими населенные, были Хеибар и Иасриб, но только в первом из них они жили особняком, никем не тревожимые. Вследствие южноаравийских переселений перекочевали в Иасриб племена бену-аус и бену-хазрадж, отделы йеменского племени бену-азд. Они вытеснили иудеев из собственного города и принудили их поселиться в новых кварталах, вне. При этом, понятно, отняты были лучшие поля и сады пальм, на чем, собственно, основывалось тогда существование лежавшего в плодородной стране Иасриба, подобно тому как существование Мекки, окруженной голыми массаами скал, зависело от торговли.

Недолго продолжался покой между обоими племенами, вскоре возгорелись новые распри. Арабы слишком тесно разместились в узком, по их понятиям, городе. Война сменялась миром, а с 583 г. возгорелась нескончаемая распря, продолжавшаяся почти без перерыва до прибытия Мухаммеда в Медину. На этот раз втянуты были в борьбу отчасти и иудеи. С их помощью удалось более слабейшему племени аус

одержать блестящую победу в 615 г. над хазраджами, в знаменитом сражении у Боаса (в часе расстояния к северо-востоку от Медины). Все же племя хазрадж было еще настолько сильно, что не покинуло города.

Несмотря на всю кажущуюся разрозненность, на нескончаемые распри между сотнями племен, нельзя не признать в арабах нации и даже задолго до появления пророка, когда он, хотя на некоторое время, сумел и по наружному виду сплотить их. Подобно грекам, арабы тоже чувствуют свою общность в противоположении всем остальным, говорящим на другом языке. И они так же смотрят на тех, кто не говорит по-арабски, как на чужеземную собаку, презренную даже. Такое тщеславие чистотой своего собственного происхождения, с которым встречаемся мы и поныне у всех бедуинов, с древнейших времен одушевляло как отдельные личности, племя, так и весь народ. К этому побуждал и сам язык арабский, один из богатейших, выразительнейших и изящнейших, если не благозвучнейших во всем свете. Национальная гордость обрела в нем классическое выражение единства народа, из всех самого своеобразного. Это было совершеннейшее орудие для арабской поэзии, которая спланивала племя с племенем даже в самое злейшее время внешней разрозненности. Поэтому каждый араб считает язык свой и поэзию не только проистекающими из сердца, но и лучшей его частицей, нет другого на свете народа, кроме арабов, который бы придавал такое несоразмерно высокое значение чистоте

и изяществу выражений, даже в обыденном применении к жизни.

Поэтому нигде, за исключением разве, может быть, времени высшего процветания Афин, не находилась поэзия даже приблизительно в таком почете у целого народа, возбуждая всеобщий интерес, составляя главное дело. Каждое событие, хотя бы некоторого значения, отражается, как в зеркале, в этой поэзии, равно и происшествия повседневной жизни дают ей ежеминутно повод предоставить выражение свободному человеку, его наблюдению и образу мыслей, его, наконец, страсти. А там, где каждый в состоянии импровизировать, всякий может оценить и понять смысл творения другого. Песнь служит не только украшением, но, в некотором роде, прямым содержанием народной жизни. Рядом с героем стоит и поэт. Во мнении племени, даже чуждом, он вознесен высоко, его песни доставляют его семье не меньшее право на почет и уважение, как и деяния могущественных воинов. А если оба достоинства соединяются в одном и том же лице, то он может смело гордиться, что достиг наивысшего, что только дано человеку в удел.

Два столетия спустя после смерти Мухаммеда арабские филологи занялись, с большим старанием, собиранием всех памятников чистого старинного языка. Прежде всего, конечно, записаны были песни поэтов доисламского периода, которые жили еще в устах народа. Все они были тщательно переписаны, с присоединением объяснений обстоятельств их

происхождения и разнообразных пояснений. Соединялись тоже все стихотворения одного и того же писателя, каковое собрание называется диван¹³. Бывало, так собирались песни различных авторов в виде сборника или, так сказать, хрестоматии. Самый известный из последних сборников называется Муаллакат¹⁴. Рядом с Муаллакат можно поставить Хама-су, антологию особенно красивых мест и старинных песен, распределенных по их содержанию на различные главы писателем Абу Теммамом, поэтом времен Аббасидов.

Этим самым собраниям обязаны мы знанием жизни арабов в период до Мухаммеда. В них и поныне продолжает биться пульс Древней Аравии, а так как эту жизнь воспроизвели величайшие поэты, то и стоит перед нами эта страна

¹³ Слово персидское, перешедшее в арабский язык. Значит собственно список. Обыкновенно же обозначает счетные книги и тому подобное. Поэтому выражение это, с одной стороны, относится к управлению общественным распорядком, а с другой – служит для обозначения письменных сборников различного рода сказаний, чаще всего в стихотворной форме.

¹⁴ Слово это объясняется различным образом. Самое распространеннейшее между арабскими учеными мнение то, что это суть призовые песни, а именно такие, которые были признаны наилучшими из всех стихотворений, прочитываемых лучшими поэтами на ярмарках вокруг Мекки, а особенно в Указе, перед собранием уполномоченных всех племен. Эти стихотворения переписаны были золотыми буквами и подвешены в Каабе. Поэтому они известны как «подвешенные». Последний термин действительно соответствует значению слова «то'аПакаС»; но это объяснение противоречит во многом тому, что нам известно об обычаях арабов до ислама. Вероятно, как и многое другое, придумано нарочито позднее. Кажется, будет правдоподобнее, если сравнить подобные сборники с нитками нанизанных рядами жемчужин. Итак, «подвешенные» значат собственно стихотворные жемчужины, соединенные в одну диадему.

как живая, на пороге своего возрождения.

Глава 2

Мухаммед-пророк

У Абдуллы в Мекке приблизительно около 570 г. по нашему летосчислению¹⁵ родился сын Мухаммед. Легенда гласит, что в ночь его рождения дворец Хосроя Анушарвана, короля Сасанидского, в Ктезифоне заколебался в основаниях и священный огонь персов, горевший без перерыва в течение 1000 лет, потух. В Мекке, во всяком случае, об этих предзнаменованиях наступавших событий, готовых потрясти весь мир, никто и не подозревал. Одни ближайшие родственники знали, что Амина, дочь Вахба, из семьи Зухра, произвела на свет ребенка, мальчика. Бедная женщина находилась в очень плачевном положении. Незадолго перед этим вышла она замуж за Абдуллу, сына Абд аль-Мутталиба, из

¹⁵ Принято считать 20 апреля 571 г. Год события, видимо, намеренно подсчитан арабскими хронологами, как и некоторые синхронизмы (например, 42-й год царствования Хосроя Анушарвана или 9-го короля Хиры Амр ибн Хинда и т. п.), приводимые старательно позднейшими историками, согласно древнейшим традициям. Рождение пророка, как уверяют, совпадает также с годом «слоновьяго человека», но и это не вполне достоверно. Если вычесть 53 года, время его пребывания в Мекке, из года его бегства в Медину (622), получается действительно приблизительно 570. Конечно, не следует при этом забывать, что на Востоке 40 употребляется для округления десятков, как 7 – единиц. Впрочем, все известные факты семейной жизни пророка, равно как и официальная его деятельность, согласуются с этим числом.

семьи Хашим, незначительного купца, который вскоре после свадьбы должен был отправиться с караваном в город сирийский Газу. Заболев на возвратном пути, он принужден был остаться в Иасрибе, где и умер до рождения своего ребенка. Незначительного имущества, оставшегося после него, – пять верблюдов, козье стадо и рабыня по имени Умм-Аиман, – едва хватало на самое необходимое. Поэтому едва ли вероятно, что мать отдала своего ребенка на воспитание бедуинке, жившей за городом, дабы он окреп, вдыхая свежий воздух, как это практиковалось позднее знатными горожанками. А между тем предание, сообщая об этом факте, добавляет, что когда Мухаммед победил впоследствии племя, к которому принадлежала его кормилица, то оказал ради нее по отношению к побежденным необычайную кротость. Здесь впервые мы встречаемся со стремлением представить маленького Мухаммеда как потомка знатной семьи. Очень понятно также, что существуют всевозможные легенды и чудесные истории, которые рождение и юность будущего пророка стараются обставить сверхъестественными явлениями. Достаточно привести хотя бы одно сказание в виде примера, чтобы показать невозможную бессмыслицу традиции, силящейся создать миф. Пророк, так говорится в ней, играл однажды с другими детьми. Вдруг является ангел Гавриил, схватывает его, распарывает тело, вырывает изнутри дымящийся кровью кусок и отбрасывает на сторону, говоря при этом: эта часть дьявола. Затем орошает внутренности водою Земзем,

находившеюся при нем в золотой чаше, и закрывает вновь рану. Дети убежали к его воспитательнице с криком: Мухаммеда убили! Она бросается к месту происшествия и видит его, распростертого на земле, бледного как смерть. Повествователь прибавляет от себя: мы сами видели на его груди глубокий шрам. Вся эта чудесная история повествователя и очевидца, само собой, вложена ему в уста кем-то посторонним. В данном случае мы можем даже указать на повод. В Коране (сура 94, 1) Мухаммед заставляет Бога обратиться к нему со следующими словами утешения: разве я не раскрыл тебе грудь? Это значит (ведь и у араба боязнь и забота давят иногда грудь): разве я не освободил тебя от нужды и печали? Позднее стали понимать этот стих буквально, стали доискиваться поводов к нему во внешних, возможных обстоятельствах и дошли до идеи, что грудь могла быть раскрыта для удаления первородного греха. И это совершилось по особому соизволению Бога, а чтобы дать понять, что очищение совершилось основательно и, понятно, не кем иным, как только специальным ангелом Мухаммеда Гавриилом, необходимо, стало быть, омовение, которое, несомненно, могло быть совершено лишь с помощью воды из священного колодца Земзем. Остается только удивляться действительной скромности повествования – для этого понадобилась золотая, а не бриллиантовая чаша.

Более вероятно, чем эта сказка, известие о путешествии, предпринятом Аминой со своим шестилетним сыном в Иа-

сриб. По общепринятой у арабов генеалогии, оттуда происходила родом мать умершего отца пророка; кроме того, могло явиться личное желание у Амины посетить гроб умершего мужа, прежде чем настигнет ее смерть. Очень возможно, что болезненная женщина предчувствовала приближение конца жизни; с месяц прожила она там с мальчиком. Сорок семь лет спустя, когда пророк переселился на постоянное жительство в Иасриб, он признал места детских игр. И Амина тоже не вернулась из своего путешествия на родину. Совсем больная прибыла она в Абва¹⁶, местность между Иасрибом и Меккой. Здесь она скончалась. Когда позднее Мухаммед предпринял в 628 г. паломничество в Каабу, дорога пролегла мимо могильного холма его матери; он оросил его обильными слезами. Круглого сироту отвезла на родину рабыня Умм-Аиман прямо к его деду Абд аль-Мутталибу. Хотя этот старец достиг уже 80-летнего возраста, он принял искреннее участие в судьбе внука. Охотно взяв к себе в дом ребенка, он держал его постоянно возле себя и всячески баловал. Часто, рассказывает биограф пророка, когда расстилался ковер в тени Каабы для Абд аль-Мутталиба, сыновья его сидели вокруг. Никто из них не осмеливался присесть на ковер, пока не придет отец. Но Мухаммед – он был тогда еще маленьким ребенком – нисколько не церемонился и садился прямо на ковер. Дяди обыкновенно хватали его и сили-

¹⁶ В позднейших сказаниях говорится разное: одни считают это место за деревню, другие за гору, не существует также топографических указаний.

лись стащить с ковра. Если Абд аль-Мутталиб замечал, то он имел привычку говорить: оставьте в покое моего мальчика, он имеет на то право¹⁷. При этом усаживал рядом с собою на ковер ребенка, трепал ласково рукою по спине и с удовольствием глядел на все, что он ни проделывал. Но недолго пришлось маленькому Мухаммеду пользоваться нежностью деда. Два года спустя умер старый Абд аль-Мутталиб. Заботу о внуке передал он одному из сыновей своих Абд Менафу, или же Абу Талибу, по предпочитаемому им самим прозвищу¹⁸. К покойному отцу пророка этот дядя стоял особенно близко. Абу Талиб был благородного, возвышенного характера; свои обязанности по отношению к осиротелому племяннику исполнял с редким самоотвержением. Но он был беден и обременен многочисленной семьей – как передает сказание, имел двух жен и десяток детей, – поэтому ребенку пришлось самому заботиться о приискании средств к существованию; он пас стада овец¹⁹ у зажиточных жителей Мекки и собирал за

¹⁷ Буквально: это его дело! То есть здесь пред вами великая будущность, которая дает ему верховенство над вами. Понятно, что это, как и выше упоминание о Каабе, – теологическая бахрома данного рассказа.

¹⁸ Абд Менаф значит раб Менафа. Но Менаф – прозвание одного из языческих божеств; поэтому имя это позднее неохотно упоминается.

¹⁹ Этим занимались рабы или совершенно бедные люди. Если известие дошло до нас без всяких прикрас, то это потому, что сам Мухаммед позднее находил нужным непосредственное соединение звания пастуха овец с его призванием пророка. Несомненно, он пользуется этим как бы для указания на юность Давида. Но во всяком случае из этого факта ясно видно, насколько стеснительно было положение не только сироты, но и его родственников. На это указывает также и

городом плоды и ягоды. Впоследствии сопровождал он дядю в походе против жителей соседнего города Таиф, а затем во многих путешествиях в Сирию, которые тот предпринимал в качестве купца. Как передает предание, в это самое время встретился с нам монах-христианин, отличивший его сразу в толпе сопровождавших и признавший его за будущего пророка. Он умолял спутников охранять его от иудеев, которые станут преследовать его всю жизнь.

Едва ли можно сомневаться, что не только последнее событие, но и самое путешествие с Абу Талибом обязаны своим существованием позднейшим соображениям и вымыслам. Самое название монаха Бахира возбуждает сильное подозрение. Это неоспоримо сирийское слово означает «испытанный», «надежный», «верный».

С первым более или менее достоверным фактом в жизни Мухаммеда встречаемся мы, когда ему было 24 года от роду. В это время по недостатку личных средств он не мог вести самостоятельных занятий и находился на службе у одной богатой купеческой вдовы, по имени Хадиджа. В доисламский период положение женщин в Аравии было далеко не так ограничено, как впоследствии и как обрисовалось в настоящее время на востоке у мухаммедан. Тогда еще не был в ходу обычай постоянного закутывания женщин, равным образом и нравственная самостоятельность ее существенно при-

Коран (сура 93, 6. 8). Бог обращается к Мухаммеду: «Разве не призрел Он тебя, сироту? И даровал кров... Разве не обрел Он тебя бедным и соделал богатым?»

знавалась всеми. Отцовская власть едва ли тяготела сильнее на дочерях, чем на сыновьях. В некоторых случаях жена имела одинаковое право с мужем «опрокинуть палатку», то есть запретить ему вход в супружеское жилище, развестись с ним. В особенности для вдов с некоторым состоянием, дозволявшим жить им, не будучи в тягость родственникам, допускалась возможность тотчас же заключить новые сердечные узы. Они могли довольно свободно распоряжаться собой. Честь прочно охраняла свободу аравитянок того времени, даже действительней, чем современные евнухи, так любезно принявшие на себя эту обязанность ныне. Вот и Хадиджа, хотя отец ее Хувейлид еще был в живых, продолжала в своем собственном доме вести дела обоих покойных мужей своих, которых она не так давно потеряла. Только необходимые дальние поездки предоставляла она своему управляющему; от времени до времени должен был он совершать их с ее выючными верблюдами, примыкая к караванам Мекки, отправлявшимся в Южную Аравию или в Сирию. Как кажется, Мухаммед не сразу занял этот почетный пост; вначале он довольствовался должностью погонщика верблюдов. Так или иначе, на службе у вдовы ездил он на юг, может быть, также и в Бостру, главную крепость византийскую в стране Восточного Иордана. Это место было значительным пунктом торговли хлебом и часто посещалось арабскими купцами. Но вскоре отношения его к хозяйке совершенно изменились. Хадидже было тогда 39 лет. Имела она трех детей от

своих покойных двух мужей. О них далее ничего не известно. По-видимому, не прочь была молодая вдова выйти снова замуж; как гласит предание, у нее не было недостатка в женихах. И ничего мудреного: была она женщина состоятельная и, невзирая на свои годы, достаточно привлекательная по наружности. Но непреодолимое влечение тянуло ее к Мухаммеду. 24 лет, он поражал ее, и не раз, своими своеобразными дарованиями. Одним словом, как говорит один остроумный писатель, это был весьма «интересный молодой человек». Как известно, влечение женщин зрелых лет к несравненно более молодым мужчинам не редкость. Поэтому можно не без основания предположить, что Мухаммеду сделано было предложение влюбленной Хадиджей через посредничество третьего лица, и он его принял скорее из корыстолюбия; хотя следует при этом заметить, что каждый настоящий араб того времени, по крайней мере, едва ли находил в этом что-либо несообразное. Как бы там ни было, последующее сожитие доказало, что этот своеобразный брак с обеих сторон, даже с точки зрения новейших христиан, не лишен был нравственной серьезности. Вначале, конечно, возникли сразу препятствия со стороны ближайших родственников Хадиджи, в особенности ее отца, согласие которого требовалось ради приличия и существовавшего обычая. Понадобилось напоить старика, чтобы выманить у него это согласие. Но когда он пришел в сознание, понятно, озлобился, негодуя на то, что его так ловко провели. Остальные члены семьи, из коле-

на бену-асад, еще пуще негодовали. Их родственница своим браком с молодым человеком, не имевшим ни имущества, ни положения, окончательно их одурачила. Между ними и родственниками Мухаммеда, которые, естественно, считали себя обязанными постоять за него, чуть не дошло до открытой схватки. Но Хувейлид побоялся скандала, и вскоре наступило общее соглашение. Для Мухаммеда настали счастливые дни. Невзирая на годы Хадиджи, брак благословен был рождением шести детей: двух сыновей, аль-Касима и Абд Менафа, названного так, вероятно, в память дяди, и четырех дочерей: Зейнаб, Рукайи, Умм-Кулсум и Фатимы. По рождении первого сына он стал называться Абуль Касим. С болью в сердце потерял он их обоих младенцами. Но дочери росли, и старшая уже была замужем, когда он выступил открыто как пророк. Конечно, потеря сыновей была для него очень тяжелой. По смерти мальчиков он оставался лишенным мужского наследника. Лишь одно это доставляло отцу семейства почет и сохраняло за ним всеобщее уважение, между тем как девушки, ничего не доставлявшие роду и не могшие позаботиться о стареющем отце, были обыкновенно более чем нелюбимы в семье. В стране со скудным пропитанием такие отношения слишком понятны. Но у арабов доходило даже до крайностей. Существовал варварский обычай – новорожденных дочерей, питание которых могло сделаться затруднительным для родителей, просто-напросто зарывать живыми, лишь бы как-нибудь от них избавиться. Поэтому позже слу-

чалось не раз слышать Мухаммеду от неприятелей его проповедей, что дом его лишен наследников. Тем не менее никогда нельзя было упрекнуть пророка ни в чем по отношению исполнения им обязанностей к жене и к дочерям. Все время, пока жила Хадиджа, он ни разу не подумал взять себе вторую жену, рядом со стареющей первой. И это было во все не потому, что он находился в зависимости от ее состояния. Мы знаем, наконец, что до последних минут ее жизни он относился к ней с величайшей любовью и уважением. Любимая жена его под старость, Айша, недаром же говорила, что ни к одной из многих проживавших с нею жен она не ревновала так, как к давно умершей покойнице. За верность и уважение она отплачивала нежною заботливостью, которая позднее, когда он выступил на широкую арену пророка, неоднократно спасала его от гибели.

К этой, в общем, счастливой семейной жизни присоединились и благоприятные внешние обстоятельства, которые вдвойне сделали жизнь Мухаммеда счастливой после стольких испытанных им в юности лишений. Следует прежде всего упомянуть, что по-прежнему продолжал он заведовать делами своей жены. Проходили годы и наружно не приносили ему никаких особенно выдающихся испытаний. Но внутри этого человека назревало что-то великое, чего все окружающие даже и не подозревали.

Нет никакой, конечно, надобности приводить доказательства, что, прежде чем он стал пророком нового учения, раз-

делял религиозные воззрения своих земляков. Слишком достаточно вспомнить имя его сына Абд Менафа, сохраненное традицией по счастливому недосмотру²⁰. Следует, само собой, при этом заметить, что эти так называемые религиозные воззрения едва ли заслуживают столь претенциозного титула. Немного вообще знаем мы о религии арабов до ислама. Но то немногое указывает слишком ясно, что понятия их о божественном и в старину были довольно скудны, а ко времени появления пророка почти совершенно изгладились. Это была смесь тотемизма²¹, фетишизма и идолопоклонства, к которому примешивались, по крайней мере в Южной Аравии и Хиджазе, нежные воспоминания о представлениях и наименованиях божеств древнеавилонских, а может быть, и древнеизраильтянских. Кроме того, у каждого племени существовал свой собственный идол, а рядом с ним также и фетиш, или же святая местность (дерево, родник или что-либо подобное), что мало-помалу становилось само по себе предметом почитания. В некоторых местностях, прежде всего в Мекке, доходило до самого гнусного синкретизма²². По разным поводам охотно присоединяли они к своим собственным идолам соседних племен, да-

²⁰ Большинство сказаний заменило это имя другими: Абдулла (раб Аллаха), Ат-тайин (добрый), Ат-тахир (чистый). Понятно, все эти эвфемизмы употреблены вместо настоящего имени, упоминаемого одним только писателем.

²¹ Тотемизм – поклонение животному, предполагаемому родоначальнику или покровителю данного племени, рода или лица.

²² Синкретизм – смешение разнородных понятий.

же и совершенно чуждых. При этом внутреннее содержание, которое первоначально приписывали почитатели отдельным божествам, большею частью исчезало. Единственно из одной привязанности к наследственной привычке отцов продолжают они культ древних предметов почитания. О религиозном же содержании богослужения почти нигде более не остается ни малейшей догадки. Поэтому нет ничего удивительного, что значение там и сям сохранившихся обрядов, в особенности великих празднеств весенних в Мекке, ко времени Мухаммеда почти совершенно кануло в Лету забвения. До нас дошли они в образе тех разнообразно измененных форм, которые им придал к концу своей жизни пророк. Несомненно одно, что эти изменения церемониала не коснулись их основных черт, так как объяснения мухаммеданских теологов совершенно устарели; обряды, во многих по крайней мере частностях, стали непонятны, и это потому, что сами язычники-арабы позднейших времен едва ли многое в них показали. Интерес жителей Мекки так крепко держаться их зависел главным образом от купеческой точки зрения, о чем было упомянуто выше. Во всем же остальном касающемся культа придерживались древних божеств вместе с дружественными племенами бедуинов лишь из консерватизма, опиравшегося, понятно, не на религиозное чувство, а на кичливое самомнение гордящегося своим происхождением народа. Самая история ислама указывает ясно на то, что только у некоторых из племен бедуинов сохранялись, в

скрытой, неразвитой форме, религиозные начала. И мы поневоле должны отказать массе этой трезвой, скептической и расчетливой расы в определенном богопочитании. Даже и по сие время араб пустыни, за исключением немногих местностей внутри страны, только по наружному облику мусульманин.

Иначе обстояло дело в некоторых пограничных полосах и в части Южной Аравии. Среди древнего сабейского населения страны, по крайней мере насколько можно судить по найденным на храмах и дворцах надписям, существовал живой и могучий интерес религиозный. Выражение его, конечно, вылилось в довольно стереотипной форме, ибо среди потянувшихся к северу племен понятие культа, как кажется, довольно быстро испарилось. Иметь об этом более определенное понятие мы не в состоянии и теперь. Во всяком случае, остается неопровержимым фактом, что еще за сотню лет пред Мухаммедом заметно было течение сильного религиозного потока, переносимого древнейшими жителями на соседние страны. Успехи, которые одержало иудейство в Йемене и Санае, нельзя же объяснять одним только отвращением арабов к чужеземному владычеству эфиопских христиан. Одновременно встречаемся мы снова, в другой части страны, Неджране, с христианским народонаселением, которое с большой цепкостью держится за свою религию и не желает отказаться от нее даже после Мухаммеда. Доходит до того, что при халифе Омаре они вынуждены из-за религии вы-

селиться. Подобно этим христианам ведут себя и поселившиеся издавна в Северном Хиджазе иудеи, рассеянные среди арабов, измаильтян, и несомненно, смешиваясь с ними то там, то здесь, они, вероятно, много способствовали прививке среди окрестных жителей понятий религии откровения благодаря неуклонности своей в исповедании веры предков. Возле них, в этих же северных странах, до самого Евфрата, встречались, положим, весьма разбросанными группами и христиане²³, почти все принадлежавшие к неопределенным сектам, по преимуществу гностикам, а по недавним, довольно правдоподобным изысканиям – к толку эбионитов. В этих-то странах, где издревле встречались друг с другом, влияли взаимно и перекрещивались всевозможные отпрыски наций и вероучений, должны были, несомненно, покоиться некоторые зародыши религиозного развития, хотя опыты желательного, определенного произрастания их до некоторой поры все как-то не удавались.

Поэтому тот, кто в качестве купца Мекки был в состоянии отправляться то на юг, к границам Йемена, отстоявшим миль на пятьдесят, то в города Сирии, втрое отдаленнее, не мог не обратить внимания на нравы и обычаи, равно как и на некоторые учреждения и воззрения иноземцев. Большого впечатления не могли, конечно, подобные мимолетные наблюдения произвести в общем на равнодушного купца. Поныне житель Востока неохотно отправляется в путь, даже европеец под-

²³ Христиане с примесью иудейских и даже языческих верований.

мечает в чуждых ему странах прежде всего темные стороны. Поэтому ничего нет удивительного, если обыкновенный житель Мекки покачивал сомнительно головой при виде этих до смешного странных, по его понятиям, людей, которые в угоду своему божеству вовсе не так, как благоразумные паломники в Мекке, лишь для виду, а сплошь обрезали кругом всей головы волосы – эту гордость свободного человека, либо закупоривались десятками, а то и в одиночку в дома и даже в пещеры, высеченные в скалах, устраняя от себя всякую возможность приличного заработка денег и самомалейших приятностей жизни. Когда именно совершал Мухаммед свои большие путешествия, до или после своей женитьбы, до сих пор не вполне разъяснено, но известия о них так многочисленны, что не подлежат никакому сомнению. Если же на самом деле он посещал известные страны, то не могли же они не возбудить пытливости его ума по отношению того, что видел или слышал там про христиан. Иначе трудно бы было объяснить, каким образом оказался он вдруг совершенно иных воззрений, чем большинство его единоплеменников. Все же и в этом отношении осталось и по сие время многое невыясненным. По некоторым более или менее основательным предположениям, Мухаммеду в самой Мекке представлялось достаточно побуждений к размышлению о религиозных предметах.

Упадок старинной национальной религии становился очевидным фактом; по крайней мере некоторые прозорливые

люди были этим поражены. Пророк не был из первых. Искали и до него некоторые выхода к лучшему. В Мекке проживали, положим непостоянно, по разным торговым обстоятельствам, иудеи, появлялись также временами христианские сектанты и анахореты, издавна рассеянные по северной части Аравии, бродили они же по всему полуострову в виде рабов, христиан из Эфиопии. Все они обладали большею частью слишком поверхностным знанием собственной своей религии, а в течение долголетней жизни среди язычников многое позабыли, но все же, как-никак, должно было у них остаться хотя бы элементарное противоположение между монотеизмом и многобожием. Положим, даже твердо знающему свой катехизис христианину почти невозможно передать на арабский греческие, сирийские или эфиопские слова, составляющие основные понятия догматики – язык этот даже для Мухаммеда в этом отношении не всегда оказывался послушным, – все же одна эта трудность не составляла непреодолимого препятствия там, где приходилось формулировать разницу, скажем, между одной и девятью. Поэтому кто уже дошел до убеждения, что ничего не поделаешь с глухими и немymi идолами, мог даже и не выходя из Мекки подловить как-никак идею монотеизма. Весьма правдоподобно, что были и вблизи Мухаммеда люди, распрощавшиеся навсегда с языческими богами. Много подобных лиц называют даже поименно. Наиболее достоверно то, что рассказывают про Зейда, сына Амра из дома Абд аль-

Узза, и про Барака ибн Науфаля, двоюродного брата Хади-джи. Оба они положительно отстранялись от язычества. Но Зейд не нашел никакого удовлетворения в том, что успел по-выспросить у иудеев и христиан; как кажется, он успокоился на отвлеченном деизме. Между тем Барак известен, действительно, за последователя христианства с некоторым оттенком эбионизма²⁴. Обращение с этими людьми могло, может быть, оживить и даже усилить те сомнения, которые питал Мухаммед к истинам древних языческих воззрений. Но этим, конечно, нисколько не умаляются заслуги пророка, который совершеннее сумел проложить новый путь, он не удовольствовался, по примеру тех, одним самоличным отречением от старых предрассудков, а выступил смело на поприще бесстрастного просветителя народа. Долгое время бродили в голове Мухаммеда тяжкие думы и воспылали наконец пламенем, угрожавшим одно время испепелить самого его, пока наконец человек этот, по природе такой застенчивый, опасливый, не обрел в себе силы выступить пред целым народом со свидетельством истины и начал нескончаемую войну с косностью и предрассудками.

²⁴ Арабы называли подобных людей ханифами. Это насмешливое прозвище обозначает на еврейском и сирийском диалектах безбожника или еретика. Надо полагать, что в этом значении оно применяется правоверными к христианам, заразившимся гностицизмом и эбионизмом. Рядом с этим названием встречаемся мы также с выражением «сабиец», то есть «обмыватель». Под этим прозвищем подразумеваются известные секты гностиков, расселившихся по нижнему Евфрату, у которых важную роль играли различного рода омовения.

До сорокалетнего возраста ничего особенного, что могло бы нарушить внутренний покой, с ним не происходило. Он уже успел выдать замуж одну из старших дочерей, вторую – красавицу Рукайю – за одного из двоюродных братьев ее. Общественные отношения его становились все благоприятнее, и он занял между своими согражданами положение довольно почтенное. Предание даже гласит, что ему предоставлена была лет за пять до его выступления в качестве пророка довольно выдающаяся роль при возобновлении потерпевшего от горных ключей здания Каабы. Без сомнения, следует это считать за лишнюю всякого основания легенду. Но он уже был в состоянии, ради успокоения своей собственной совести, дабы хоть чем-нибудь вознаградить заботы дяди Абу Талиба, покровителя его юности, усыновить сына его Али. Не нужно ему было также много раздумывать, чтобы дать свободу и усыновить Зейд ибн Хариса, раба-христианина, служившего у него уже давно, которым он привык особенно дорожить. Однако, несмотря на все, расположение его духа постепенно все более и более омрачалось, он не чувствовал себя счастливым. Природное меланхолическое настроение принимало мало-помалу зловещий мрачный оттенок. Зачастую углублялся он надолго в пустынный лабиринт скал, окружавший родной город со всех сторон. По целым дням пропадал там. Из позднейших его проповедей, в том виде, как они сохранились в Коране, мы можем отчасти догадываться, какие мысли роились тогда в его голове и бре-

менили его сердце. О том, что поклонение единоземцев идолам есть и заблуждение, и грех пред единым истинным Богом, знал он уже давно. Но какова задача, ему предстоявшая? Страшный суд, о котором рассказывали ему христианские его друзья, должен был, конечно, пожрать этих безбожников. Что же предстояло ему самому, дабы уклониться от подобной судьбы? Со страхом вопрошал он: «Господи, что же мне делать, дабы спастись?» Этот вопрос для человека поверхностного либо по характеру гибкого не представлял никаких затруднений, но для его жаждущей истины души потрясение было слишком глубоко и тем еще глубже, что некоторые религиозные понятия, которые он успел выпытать от своих друзей, стояли в его уме особняком, без всякой связи. Сам же он, по нашим нынешним понятиям, был человек совершенно необразованный, вполне неспособный к логическому обоснованию ряда отвлеченных идей. У него почти отсутствовала всякая возможность доработаться до ясного понимания всего этого даже для себя лично.

Обуреваемый подобными сомнениями, блуждал он, так рассказывают, однажды в месяце рамадане²⁵, по своему обыкновению, к северу от Мекки, в пересеченной отрогами гор местности. В центре ландшафта воздымалась гора Хира, а у ее подножия зияла пещера, любимое местечко искони страстного мечтателя. Терзаемый неотступными мыслями, впадает он наконец в беспокойную дрему. «Тогда охватило

²⁵ Год события спорный. Это должно было быть в 610 или 612 г.

меня во сне, – рассказывал он позже, – смутное ощущение, будто некто приблизился ко мне и сказал: читай! Я же ему ответил: нет, не могу. Затем тот же некто сдавил меня так, что я думал, что умираю, и повторил снова: читай. И опять я отказался. И снова меня сдавило, и я услышал явственно: читай. Во имя Господа твоего, творящего – сотворившего человека из кровавого комочка, – читай. Господь твой ведь всемилосерд. Он даровал знание посредством пишущей тростинки – Он научил человека тому, чего он не знал. Тогда я прочел сие... И затем видение исчезло. И я проснулся. И было мне, как бы слова сии были начертаны на моем сердце»²⁶.

²⁶ Если сравнить и сопоставить тексты различных преданий об этом видении, то получится в главных чертах вышеприведенное. Позднее оно было изукрашено на разные лады и обставлено дальнейшими штрихами. Так, например, рассказы говорят, что ангел Гавриил – фигура эта во всяком случае стала появляться пророку лишь долго спустя – держал перед ним и требовал от него прочесть по книге, обернутой в шелк (или, как иные говорят, это был кусок шелковой материи, на которой были начертаны письма), и др. Через эти добавления мало-помалу настоящее значение сна и слов затемнены и поныне возбуждают множество сомнений. Мне же кажется, если принять в соображение тогдашнее значение слов, вошедших в Коран, напоминание о тростнике для письма и наконец взвесить заключительное замечание пророка, что смысл совершенно ясен и должен быть следующий: читай – то есть прими с верой – то, *что Господь своей небесной тростинкой для письма начертал как истину, а ныне восхотел начертать также на сердце твоём*. Речь идет о чтении и письме. Ибо Мухаммед даже и во сне прежде всего, хотя и в несколько измененном виде, заботился о том, что наяву составляло предмет его смутных опасений, мечтаний, и он никак не мог представить себе иначе, тогда и позже, откровение, как только в образе письма, так как он очень хорошо знал, что и иудеи, и христиане обладали подобными письменными откровениями. Подобное представление сохранилось незыблемо, так что и ныне мухаммедане считают, будто первоначальная рукопись Корана начерта-

Видение это произвело на Мухаммеда действие поражающее, можно сказать, уничтожающее. Словно одержимый, появился он пред Хадиджей в наивысшем возбуждении. Как умела, успокаивала она его, а тем временем послала за Баракком, с которым и прежде муж ее не раз беседовал о различных высоких предметах. Когда передала она о случившемся, приглашенный произнес: «Если это так, о Хадиджа, дух святой²⁷ снизошел на него, тот самый, которому благоугодно было явиться Моисею; стало быть, он пророк народа нашего». На время Мухаммед успокоился. Но следовало ждать повторения явлений, чрез некоторый промежуток времени²⁸, и опять вернулись сомнения с двойной, устрашающей силой, приводя несчастного чуть не в отчаяние. И зашагал он без перерыва снова и снова по окружающим го-

на на небе и там заботливо сохраняется. Вот это-то, совершившееся по вечному Господнему завету, стало быть картинно изображенное и начертанное в небе и там пребывающее, откровение обязан он читать, то есть воспринять, дабы мог впоследствии передать другим. Слова «тогда я прочел сие» обозначают – тогда я это запомнил (а также – тогда я повторил). Затем, что касается фигурального выражения, то оно весьма поразительно напоминает о проглоченной книге у пророка Иезекииля (гл. III, ст. 2), а также в Откровении Иоанна (гл. 10, ст. 9) и признается за несомненный символ божественного откровения.

²⁷ По-арабски «*великий Наму*» не что иное, как греч. *vomoz*. Употребление слова в данном случае и соответствующее значение могут быть объяснены лишь в эбионитском смысле (*Bestmann H.I. Die Anfänge des katholischen Christenthums und des Islams. Nördlingen, 1884, с. 101*). Поэтому история доказывает, что Баракка принадлежал действительно к этой секте христианской.

²⁸ Согласно сказаниям, через два года. Как кажется, этот промежуток искусственно придуман позднее; на самом деле прошло не более нескольких недель.

рам. Часто приходила ему на ум мысль: как бы хорошо броситься вниз с этих крутых скал и отрешиться раз навсегда от ужаса, который заволакивал его мозг. И вот в одну из этих минут осветила его небесная ясность. Явление свыше – без слов, но всеподавляющее! Оно исполнило его сердце давно желанным сознанием. Но одновременно он почувствовал головокружение. Потрясаемый как бы лихорадочною дрожью, спешит он домой. «Заверните меня!» – взывает он к своим. Свершилось. И, охваченному сильным нервным потрясением, ему чудится, что он слышит следующие слова (сура 74, 1): О ты, закутанный, встань! Зову тебя, истинно так! Господа своего, да славь его! Одежды твои, да очисти их. От нечистоты да беги. Не будь добр ради корыстных целей. И Господа твоего чти неизменно!²⁹ С этих самых пор, передается традиция, шли откровения одно за другим, постоянно, и так было именно потому, что отныне он был уверен в своем деле и не ждал более дальнейших сверхъестественных явлений; он принимал без дальних околичностей за божественную истину все вырабатывающиеся в его голове представления, появлявшиеся в состоянии непрестанного внутреннего возбуждения.

Нет никакого сомнения, что известия эти во всем суще-

²⁹ При переводе мы старались подражать отрывистой форме оригинала. Очищение одежд и избегание нечистот, понятно, надо понимать как призывание избежать идолопоклонства. «Не будь добр ради корыстных целей» – значит не одаряй с намерением получить обратно еще более. Заповедь, увы, нынешними жителями Востока совершенно забытая!

ственном основывались на глубокой психической истине. Небесные явления, которые окончательно вдохнули в него сознание божественности его послания, повторялись и позднее. А между тем за пересказ их жители Мекки укоряли его во лжи. Он сам описывает это следующим образом (сура 53, 4): «...не иное что было это, как небесное откровение. Оно даровано ему (вашему земляку) силою сил – Всемогущим. И вознесся Он, будучи в высшей сфере небес. Затем стал приближаться и опускался – пока не остановился в отдалении двойного полета стрелы или еще несколько ближе. И Он открыл своему рабу божественное откровение. Не солгало сердце, что видело. Разве вы осмелитесь оспаривать хотя что-либо из того, что он видел? И вот еще раз видел он его спускающегося – до дерева Сидра окраины³⁰, при котором сад пребывания. Как вдруг дерево покрылось прикрытием – это не было обманом глаз, и оно не ускользнуло от его зрения. Истинно говорю вам, тогда он узрел из чудес Господних величайшее!» Если бы Мухаммед был обманщиком, каким вначале хотели представить его земляки, а ныне за ними повторяют весьма многие писатели, он бы не преминул вдаться в подробное описание небожителя, наделив его множеством

³⁰ Это значит – остановившегося на самой окраине предполагаемой известной местности. «Сад пребывания», вероятнее всего, может быть объясняем парком местным при загородном доме одного из зажиточных жителей Мекки. Мусульмане понимают под этим «рай» и переносят всю сцену на небо. Сидра есть, собственно, дерево Христов терн (*Zizyphus spina Christi* L), другие же принимают его за лотос (*Rhamnus Lotus* L).

крыльев и т. п. Слишком ощутительно его убеждение, хотя и тщетно силится обнять словами впечатление небесного явления. Поэтому не остается никакого сомнения, что он его действительно глазами видел. Сверх того, получается благоприятное предубеждение в его пользу и по всему остальному, о чем мы передавали выше, сообразуясь с преданием. Чувствуется во всем путеводная нить, внутренняя связь событий. Таким образом является некоторая возможность решить слишком часто разбираемый вопрос – был ли Мухаммед действительно пророком либо нет.

Конечно, разрешение научным путем этого вопроса допустимо лишь в том направлении, в коем один из выдающихся биографов Мухаммеда его характеризует. Он говорит: «У нас, в Германии, слово «пророк» лишили всякого значения и затем утверждают, что Мухаммед был именно пророком; если подвергнуть тому же самому процессу слова «дом» или «гора», – говорит он, – можно сказать в одинаковой мере основательно, что Мухаммед был домом и горой». Если же для кого-либо имя пророка имеет значение не в чисто историческом смысле, а в смысле какой-нибудь теологической системы, то над значением вовсе не приходится голову ломать при постановке в таком духе вопроса. Ибо его догматика сразу же выступит на первый план и ответит: мухаммеданину – утвердительно, а правоверному иудею либо христианину – в отрицательном смысле. Нам же предстоит иметь дело с историческим понятием и искать ответа в самой истории. Итак, на-

сколько нам известно, пророки появлялись только среди семитов, а специально, если мы забудем на время Мухаммеда, только среди иудеев. Постепенное развитие пророчеств у израильтян не подлежит, конечно, нашему исследованию. Можем только отметить, что в наивысшем смысле явление это, исторически совершенно ясное, вовсе не двусмысленное и вполне определяемое. Пророком у израильтян считался человек, глубоко охваченный религиозной идеей, находящийся в исключительном служении ей. Единственной задачей своей жизни поставляет он следить за всеми разветвлениями в мире чувств этого основного понятия, а так как, с другой стороны, считает охватившую его идею за проявление божеской воли, которой одной и приписывает все переполняющее его абсолютное самосознание, то и то и другое постепенно сливаются воедино. В конце концов одушевляющую его идею принимает он за божественную истину. Рассматривая слово в таком именно смысле, трудно отказать Мухаммеду в имени пророка. Нельзя же в самом деле отрицать, что вследствие необычайно чувствительной своей конституции, подверженный всевозможного рода нервным припадкам, которые иногда, как, например, при обоих вышеприведенных случаях, доходили до галлюцинаций³¹, у него, по его приро-

³¹ Какого рода эти припадки были и какой медицинский термин могли они носить, до сих пор не установлено. Но по всей справедливости, как это дознано лишь недавно, они не могли быть никоим образом эпилептического свойства. Вероятнее всего, что они подходили к известным болезням нравов, которыми страдают лица, подверженные религиозным экстазам. Даже Лютер, и тому пока-

де, выступало тогда религиозное внутреннее возбуждение, достигавшее иногда кульминационного пункта. Поэтому понятным становится, что, согласно не расходящимся друг с другом и, несомненно, достоверным преданиям, эти откровения, по крайней мере в большинстве случаев, совпадали с подобными припадками. Но попутно следует отметить самым положительным образом, что в подобном состоянии он оставался, и в полной мере, человеком совершенно вменяемым. Потому нельзя давать веру тем поверхностным воззрениям, согласно которым все его учение построено было лишь на галлюцинациях и бессвязных, произвольных речах. По крайней мере все время, пока он пребывал в Мекке, даже и в нормальном состоянии, дело его представлялось ему во всей полноте и ясности, нисколько не меньших, чем в случаях необычайного нервного напряжения. Чего только не наговорили на него ненавистники: и сумасшедший-то, и фантаст, и обманщик, – но последовательная уверенность всех его поступков, общность его направления ни разу, однако, его не изобличили и выступают даже и поныне слишком ярко в Коране. Самые слабости логически не вышколенного мышления недостаточны, дабы свидетельствовать о психическом расстройстве. Таким образом, принимая во внимание все эти обстоятельства, на откровение Мухамме-

залось раз, что он своими телесными глазами увидел черта. Мухаммеда следует, вероятно, рассматривать как промежуточное звено между крепкой натурой, которая случайно и то лишь мимоходом подвергалась подобного рода чувственным обманам, и состоянием экстаза у стигматизированных девиц.

да нельзя глядеть как на простое порождение расстроеного болезненного мозга или бред глупого мечтателя. Тем более не подлежит никакому сомнению, что по крайней мере в период пребывания своего в Мекке он поступал искренно и честно; стоит только вспомнить тот священный ужас, который предшествовал решительным видениям, ту достойную действительно глубокого удивления выдержку, с которою он, человек вовсе не храбрый, более десяти лет, несмотря на страшнейшие преследования, а наконец и угрозы, сыпавшиеся отовсюду, лишить его жизни и не предвидя ни малейшей надежды на успех в будущем, продолжал все-таки свою проповедь. Разве все это не достаточные доказательства того, что, подозрительная вначале, далее и для него подавляющая сила идей, охватившая и доведшая независимо от воли к твердому убеждению, что эти понятия, напиравшие отовсюду на его мышление, естественно, стали для него откровением, исходившим от самого Бога? Вот тот облик истинного пророка, который мы пытались начертать по нашему крайнему разумению. В имени этом отказать Мухаммеду в праве, конечно, каждый, кто полагает себя посвященным в таинства божественного руководства народами и вполне убежден, что в такой-то период времени появление пророка невозможно. Подобное догматическое ограничение приговора обыкновенно покоится на самых уважительных мотивах, и не без некоторого основания можно также сказать, что и в истории не встречается вообще абсолютно бездоказа-

тельно. Но все же не следует забывать, что существует один только универсальный способ воззрений при недостаточности человеческих познаний, и это – отнестись более или менее беспристрастно к вере и образу мышления чуждых народностей.

Поверьте, не из легковерия и вовсе не с целью иронизировать слегка озаглавлена была эта глава – Мухаммед-пророк. Но, с другой стороны, считаю своим долгом отклонить всякое подозрение в преувеличенной окраске и потому спешу прежде всего формулировать две оговорки, обоснования которых, само собой, вытекают из дальнейшей истории Мухаммеда.

Во-первых, даже самое поверхностное сравнение Корана с писаниями пророков израильских дает сразу понять, что религиозные идеи аравитянина были незначительного сравнительно достоинства. И этому нечего удивляться. Длинным путем проходили пророки от Саула, пока не достигли второго Исаии. Мухаммед же был в одно и то же время и последний, и первый пророк своего народа. Ничего мудреного поэтому, что он охватил лишь одну сторону божественной сущности: понятие о святости от него совершенно ускользнуло, а также основы какого-либо более глубокого этического порядка жизни. Но то, что представлялось необходимым даже его несовершенным воззрениям на нравственные законы, становится по отношению к столь многообразно возмутительному нравственному равнодушию его современников

уже значительным шагом вперед. Конечно, трудно безусловно обвинять его за то, что весьма часто не решался переступить границы своей национальности, в позднейшие же годы даже находил нужным делать еще дальнейшие уступки. Так что в конце концов на его учение легла резкая печать не устранимого никоим образом партикуляризма. Но это постоянное опасение, как бы не переступить границ национализма, повело постепенно к еще более худшему, что и составляет сущность второй моей оговорки.

Будучи арабом, Мухаммед никак не мог понять, чтобы истина не могла восторжествовать на этом свете еще при его жизни. Еще менее допускал он понятия свободы совести, отделения государства от церкви и т. п. Припомните, даже на Западе не далее как в XVI столетии было признаваемо всеми, что еретик в равной мере и государственный преступник, а потому с ним следует поступать соответственно. Тем менее мог житель Востока, и к тому же в VII столетии, видеть в неверующем что-либо иное, как не изверга, и едва ли пророк подумал о том, что Господь в своем первом откровении говорит о тростинке для писания, а не о мече. Нечему удивляться поэтому, что у Мухаммеда по отношению к своим врагам нет и не могло быть никакого нравственного смягчающего чувства. Пока проживал он в Мекке, вечно тесный, эта темная сторона его существа и не могла развиваться; религиозная идея была единственным его побуждением, никакие мирские веяния не могли ее потревожить. И это на-

чало ислама напоминает состояние христианства в I столетии. Но как это последнее при Константине уже уклонилось от изречения Господнего «Мое царствие не от мира сего», так же точно наступило искажение учения ислама еще при жизни основателя. Не лишено поэтому справедливости указание, что для памяти арабского пророка было бы благом, если бы жизненный путь его пресекся одновременно с бегством из Мекки. Но далеко не самое безотрадное представляет собой неукротимая беспощадность, с какою часто выступал он для уничтожения врагов своих; это была древняя черта арабской суровости. К тому же можно привести в пользу его много случаев, где проявлял он необыкновенную кротость. Более же всего возмущают его коварство и систематическая лживость, которые все сильнее и сильнее стали проявляться со времени переселения его в Медину. И в Мекке, даже несколько позднее, осыпавший насмешками и уликами противников, пророк пробовал иногда выставлять своеобразные аргументы и пользоваться довольно сомнительными увертками, чтобы как-нибудь выпутаться из сети противоречий, опутывавших его учение, что более или менее объяснялось отсутствием навыка логического мышления. Но в Медине сознательная лживость и вероломство становятся вскоре как бы внутренним убеждением. Положим, это тоже наследственные народные черты, но в соединении с официальным благочестием, вовсе не требовавшим лицемерия, становятся они для нас невыразимо противными. В его руках с

тех пор религия стала орудием политики, и не одной только церковной. Вначале, может быть, слегка, затем наполовину, а наконец совершенно сознательно пользуется пророк ложью для того, чтобы провести во что бы то ни стало истину. Насколько было в этом личной инициативы, насколько неизбежной закваски арабской крови, вопрос излишний. Если бы кто вздумал заняться разрешением его обстоятельно и разобрать со всех сторон, едва ли бы мог, думается нам, исключить как одно, так и другое.

Само собой, что Бог мог сделать Мухаммеда лишь своим доверенным лицом, дабы сообщать волю свою народу. На это указывают достаточно определенно слова второго откровения: «Встань! Зову тебя, истинно так!» Влияние личности пророка благодаря последнему видению возросло необычайно и немедленно отразилось на окружающих его. Вся семья, один из ближайших его друзей тотчас же уверовали в божественность посланничества и подчинились духовному руководству его. Кроме жены и дочерей были это оба им усыновленные Али и Зейд. Первый из них, положим, был еще слишком мал; что же касается Барака, то к этому времени, как кажется, он уже не был в живых. Присоединился также аль-Атик, известный более под прозвищем Абу Бекр³², зажиточный, всеми почитаемый купец из семьи бе-

³² Это значит отец Бекра. Имя Бекр у арабов часто встречается; перевод же этого имени – «отец девицы» – совершенно неудачная выдумка одного во многих отношениях высокочтимого ученого. Увы, встречающиеся у него зачастую промахи подхватывались другими и распространялись во многих популярных

ну-теим, многие годы находившийся с Мухаммедом в тесной дружбе. Как рассказывают, был он двумя годами моложе пророка, человек спокойный и умный, при этом прямой и надежный, кроткий и добродушный, но когда требовалось обстоятельствами – неуклонно твердый. Это была как раз подходящая личность, чтобы стоять возле Мухаммеда, нравом меланхоличного, легко воспламеняющегося, но так же приходящего в уныние. А потому зачастую в делах житейских пророк выказывал всю неустойчивость натуры своей. Ему нужен был такой помощник – он предохранял его от преждевременного падения, помогал ему в осуществлении трудной задачи. Дружба эта в высокой степени возвысила нравственный облик Мухаммеда в глазах всех. Этот человек к тому же беззаветно верил в учителя. Не связанный никакими интересами, ни родственными отношениями, в течение всей с ним своей жизни ни разу не усомнился в чистоте его побуждений, неуклонно верил в истину божественного его посланничества, и даже тогда, когда ближайшие родственники приходили иногда в недоумение, он повиновался безусловно. Посредничество Абу Бекра доставило Мухаммеду еще нескольких верующих, которые в истории ислама заняли немаловажную роль, таковы: Саад ибн Абу Ваккас, позднейший завоеватель Персии; Зубейр ибн аль-Аввам и Тальха, сын Убейдуллы, все трое дальние родственники пророка или его друга. Но, по-видимому, все они были тогда почти

дети, а предание впоследствии утверждает, понятно устами потомков, что эти предки их принадлежали к первым последователям пророка. По тогдашним понятиям арабским, Мухаммед считал своей обязанностью обратиться прежде всего к своей собственной семье, в самом широком смысле, то есть к своим дядям и двоюродным братьям и вообще ко всем родственникам рода Хашим. Поэтому собрал он всех их и изложил перед ними свое учение. Но в их глазах он был такой же, как и всякий другой член семьи. Иначе курейшиты и не могли рассуждать. Дядя его Абу Лахаб, ожидавший сообщений о каком-нибудь серьезном купеческом предприятии, даже вспылил и крикнул сердито: «Черт бы тебя побрал! Неужели затем только нас и позвал?» С явными знаками неудовольствия разошлась семья. Если свои же ему не поверили, понятно, слаба была надежда убедить чужих. Ничего поэтому нет удивительного, что возбуждение момента вдохнуло Мухаммеду несколько желчью облитых строф Корана. В них он действительно отправил к черту недружелюбного дядю и заставляет его там гореть в геенне огненной, а его же собственная жена с веревкой на шее должна подкладывать под костер поленья. Эта малородственная, резкая выходка страшно возмутила Абу Лахаба. Предполагаемое обручение сына его с дочерью Мухаммеда Рукайей сразу расстроилось. Произошел полнейший разрыв со всей семьей. Во всяком случае, по-видимому, вскоре красота дочери дала отцу другого зятя, а пророку нового последователя: Османа,

сына Аффана, из высокочтимой семьи Омейи. Но это одинокое обращение не возымело никакого влияния на большинство курейшитов, тем более что Осман, хотя и зажиточный и красивый, не обладал энергией и считался всеми за заурядного человека. Можно присоединить и еще несколько лиц к этим новообращенным; в общем, число первых последователей доходило, как говорят, до сорока трех. При этом следует заметить, что большая часть маленькой общины состояла из бедняков и рабов. Понятно, они более других прислушивались к проповеди «о гневе Божиим на их меккских господ и о воздаянии на том свете», зажиточным же было очень хорошо и здесь. Это обстоятельство сделало еще более несимпатичным все движение в глазах почтенного сословия; а когда продолжающееся равнодушие к новому учению разожгло пророка заговорить более страстным языком, то дошло наконец до открытой вражды. То, что какой-то незначительный человек в разных потайных собраниях толкует про запутанные материи, которыми сам заразился от разных христианских сектантов, для крупных купцов было решительно безразлично. Но он осмеливался поносить местных богов, унаследованных от предков, без которых нельзя было никак обойтись, ибо паломничество в Мекку стало бы делом невозможным, а это так необходимо для благосостояния города, всего торгового союза и ярмарок. Долее терпеть было невозможно. Что же это такое, наконец: одурачивает рабов, вбивает им в голову, что они лучше своих господ! Положим,

неудобного фантазера не так-то легко было попросту устранить – все еще стоял он под покровительством своего дяди Абу Талиба, хоть и бедного, но всеми уважаемого человека. А тот жизнь был готов положить, чтобы защитить Мухаммеда от всякого нападения. Да и сцепиться-то с Абу Талибом не так-то ловко. Вся семья Хашим как один взбунтуется, хотя и слышать не хотела про дурачества Мухаммеда, но за каждое оскорбление чести семьи ответит, понятно, междоусобной войной. То же самое можно было ожидать и от остальных семей, имевших последователей в новой партии. Поэтому приходилось волей-неволей не задирать свободных людей, в особенности же таких, которые в материальном отношении не находились в зависимости от своих более богатых свойственников. Пока довольствовались одной руганью да насмешками из-за угла, а то при случае затевалась и легкая драка. Но рабам, состоявшим по отношению к своим господам в положении бесправных, пришлось плохо; с ними стали обходиться не только скверно, но и нередко подвергали мучительным истязаниям, в случае когда они упорно отказывались поносить Мухаммеда или же порывались открыто не признавать старых богов. Абу Бекр, по собственному побуждению, употребил часть своего имущества на выкуп некоторого числа особенно угнетаемых. Другим рабам внушил пророк, дабы они, сохраняя в душе истинное верование, исполняли наружно предъявляемые их господами требования во избежание дальнейших мук. В числе выкуплен-

ных был один эфиоп, по имени Билаль. Позднее благодаря своему зычному голосу он был сделан первым призывником на молитву (муэдзином) правоверных.

Малозначительность успеха не помешала Мухаммеду ревностно продолжать свою проповедь. То в отдельной беседе искал он случая согреть веру того либо другого, то громко возвещал откровения, ему преподанные, более широкому кругу своих слушателей. Большинство этих вдохновенных речей, если не все, дошли до нас; они образуют единственные, действительно подлинные свидетельства первых начал ислама. Все, что случалось с ним в течение дня, составляло естественное содержание ночных его размышлений. Ревностно выстаивая на молитве и усердно бодрствуя, он быстро переходил от полной истомы и упадка сил к наивысшей степени возбуждения, воспринимая попутно одно за другим все впечатления пережитого и борьбы. То чудятся ему небесные звуки, несущие ему утешение в претерпенных им неудачах и поражениях, вознаграждавшие его сторицей за те насмешки и ругательства, коими осыпали его постоянно курейшиты, то начинает он цитировать, разнообразя все новыми и новыми оборотами, короткие периоды, составляющие содержание истинного учения, то грозит своим противникам гибелью мира и Страшным судом, а рядом умоляет верующих выдержать стойко, чтобы со временем обрести высокую награду за свою верность, то снова настойчиво советует им благодарить за те дары, которыми ежедневно оделяется че-

ловечество свыше. Себя самого как пророка он несколько не щадит, лишь только заметит, что заслужил порицание или чего-либо не предусмотрел: в короткой суре 80 строго порицает он себя за то, что однажды грубо отстранил одного бедняка-слепца, который помешал, имея потребность в духовной беседе, его разговору с богатым и гордым Валидом ибн Мугирой, главой знатной семьи Махзум, – еще одно доказательство, как честно относился Мухаммед тогда к истине, ради ее не щадя даже самого себя.

Соответственно содержанию в первом откровении называли его «чтением», по-арабски куран, что, кроме того, понимается как громкое чтение пред общиной, так же точно передача, декламация. Слово это перенесено потом, как известно, и на весь сборник, содержащий все чтения в совокупности, и под словом «аль-куран», «чтение» (отсюда аль-коран), принимается теперь безусловно последнее значение. В том виде, в каком сохранились и по сие время, собраны они были по приказанию третьего халифа Османа.

Догматическое содержание древнейших частей Корана весьма несложное. Существует одно Божество, Аллах, Господь³³. Он сотворил мир и его поддерживает. Ему одному подобает поклоняться, следует отречься от всякого идолопочитания. Мухаммед – его пророк³⁴, ему поручено предо-

³³ Арабское «Аллах» – слово, сложенное из al – ilāh – «Бог».

³⁴ Rassulu 'Ilāhi – «посланник Божий». Отсюда произошла официальная формула вероучения: la ilaha ilia 'Ilāhu wa Mohammed rassulu 'Ilāhi. «Нет Бога кро-

стеречь людей и возвестить им, что наступит восстание из мертвых и Страшный суд, на котором каждому воздается по заслугам. Кроме исповедания истинной веры, главнейшие обязанности человека: молитвы в определенные сроки, честное отношение к ближнему и милостыня бедным. Ужасный обычай арабов – закапывать живыми новорожденных дочерей – горячо также осуждается. Очевидно, что эти основные законы, не принимая в расчет божественного посланничества Мухаммеда, признаются как иудеями, так и христианами. Поэтому он не заявляет никакой претензии, что вносит нечто новое; он только напоминатель, дабы обратились снова к старой, забытой истине, и в те времена не чувствует еще себя ни в чем отделенным от остальных, исповедовавших монотеизм. Лишь позднее, когда успел познакомиться ближе с христианским, а в особенности иудейским учением, он заметил, что у них не встречается решительно никакого намека на божественность его посланничества. Тогда только он вступил в открытую с ними борьбу.

Пока же ему приходилось иметь дело только с неверующими жителями Мекки. В первых рядах его противников стояли: аль-Валид ибн Мугира и Абуль-Хакам Амр ибн Хишам, обыкновенно называемый придуманным Мухаммедом насмешливым прозвищем Абу Джахль – «отец³⁵ глупостей».

ме Бога» – то есть «кроме Аллаха», – а Мохаммед – посланник Аллаха. Отсюда произошло испорченное: «Алла-Иль-Алла». Все эти переименования арабских периодов и слов произошли, понятно, во время турецких войн.

³⁵ Обозначение родства: отец, мать, брат, сестра, сын, дочь – арабы употреб-

Оба они принадлежали к известному роду Махзумитов. Таковым же был Абу Суфьян из рода Омейи; позже выступает он главным врагом пророка. Кроме всевозможного вреда, какой только можно было нанести членам маленькой общины, не ставя ребром вопроса о внешней их безопасности, старались мекканские аристократы всячески дискредитировать самого пророка. Все кричали, что учение его – не то бред пустой фантазии, малоискусного поэта, не то, пожалуй, и лжеца. Другие притязанию на божественность его посланничества противопоставляли утверждение, что все им излагаемое не новость – чего он, впрочем, никогда и не оспаривал. Все это в совокупности ставило его в безвыходное положение. От него требовали чудес как доказательств его божественной миссии. В беспрестанной борьбе с врагами речь его становится все горячее, он заносится. Описывает в ярких красках ужасы Страшного суда, рисует муки ада, которые ждут ненавистников Бога, и живописует утехи «сада»³⁶, ждущие верующих. Картины его становятся все подробнее, и, понятно, чем далее – все чувственно грубее³⁷. А когда

ляют часто в характеристических выражениях свойств или отношений лиц или предметов. Так, например, лисица у них – «отец маленькой крепости», гиена – «мать гробов», надежный человек – «брат верности», храбрый человек – «сын войны», вино – «дочь виноградной лозы» и т. п. Стало быть, «отец глупостей» есть тот, кто говорит и делает одни глупости.

³⁶ Al-dschannatu (еврейск. gan) – сад Эдема, рай.

³⁷ Избранные гурии – прелестные девы, предназначенные для наслаждений верующим, появляются довольно рано. Слово это арабское – аль-хур, множественное от аль-хаура – «волоокая».

противники насмешливо допрашивают его: когда же наконец наступит так часто возвещаемый ужасный «час» Страшного суда – Мухаммед в первое время предполагал скорое его наступление. Он поневоле отсылал их к Богу, которому одному известна сия тайна. На требования чудес и на сомнения, высказываемые некоторыми о возможности телесного восстания, предлагал он доказательства величия Божия почерпать в чудном строении природы, в особенности же таинственного возникновения человека. Понятно, все это делу его немного помогало. Утеснения продолжались своим чередом. А то обстоятельство, что Мухаммед собирал своих приближенных в доме Аркама, одного из первых им обращенных, где сходились они в определенное время на общую молитву³⁸, а еще более его страстная охота затевать религиозные прения со всяким встречным, им же чаще всего завлеченным, выводило из терпения неверующих и подавало повод ко многим бесчинствам. Поэтому медленное возрастание маленькой общины мало-помалу совсем прекратилось. Некоторые не вполне твердые в вере отпали снова от Мухаммеда, убоившись насмешек земляков или не желая раздражать недовольство сильных. Новое учение действительно не могло иметь последователями полуубежденных или же равнодушных. С самого начала ясно обозначились в откоро-

³⁸ Молитва с самого начала возникновения ислама составляла главную сущность богослужения. При разборе мухаммеданского учения будут перечислены и их роды.

вениях Мухаммеда требования, чтобы человек безусловно, телом и душой, предался и следовал заветам Бога. Отбросив в сторону всякую заботу о своих собственных интересах или самостоятельной воле, должен правоверный отдаться исполнению велений Всевышнего. Точное определение понятия, с которым араб связывает значение слова «ислам», есть преданность, безусловная покорность. По всей справедливости поэтому ислам носит название веры, которая требует, более чем всякая другая, беззаветной преданности человека Богу. Такой верующий, исповедующий подобную преданность, получает почетное название Муслима³⁹, «предавшегося». В несколько более глубоком смысле те же воззрения и у христиан, отличием будет только недостаточность внутренних, субъективных убеждений араба. Воля Божия возвещается ему не по собственному побуждению, а исключительно согласно предписаниям пророка, подобно тому как солдат исполняет волю своего военачальника чрез посредство командных слов ближайшего командира своего. В этом отношении выказывается некоторого рода родство ислама с известными течениями католицизма.

Подобное воззрение стояло на самом деле вразрез с природою араба; издавна привык он не обращать никакого внимания ни на чью волю, кроме своей. Опасность для малень-

³⁹ С особым придаточным прилагательным окончанием по-персидски слово это произносится Musliman, более неправильно выговариваемое Musulman или, как произносят турки, Mūsülman.

кой кучки верующих тем более становилась грозной, что начиналось уже распадение общины. Следует обратить внимание, что в первой стадии развития ислама особенно заметно христианское влияние, и Мухаммед явно искал поддержку и у них. Выше мы уже видели, как назад тому около ста лет старались христиане-эфиопы утвердить в Южной Аравии свою политику и религию. Был момент, когда предполагалось, что и Мекка не избежит последствий этой борьбы. Но с тех пор прошло 45 лет, давно уже возобновились снова дружеские сношения между Абиссинией и арабским главным торговым городом. Отсюда можно было в несколько дней чрез Шуеибу (невдалеке от позднейшей Джедды) чрез Красное море достигнуть страны, Надшаши⁴⁰, управляемой эфиопским царем. Так как Мухаммед держался еще того понятия, что откровения его по содержанию совершенно сходны с теми, которые Бог преподал людям чрез посредство Моисея и Христа, а ныне для распространения их среди арабов призван он, поэтому он смотрел собственно на абиссинцев как на своих единоверцев. Вот почему полагал он возможным отправить туда тех из своих приверженцев, которых желательно было избавить от притеснений аристократов Мекки. И вот, по общеупотребляемой хронологии, в 615 г. было предпринято первое переселение правоверных в Эфиопию. Вначале,

⁴⁰ Так выговаривается по-арабски слово «нагаши», которое по древнеэфиопскому наречию, и поныне употребляемому в Абиссинии, означает Негус – «царь».

вероятно, для того, чтобы лучше разузнать порядки чуждой страны, отправилась маленькая группа из одиннадцати человек.

Одновременно, однако, глубоко страдавшему пророку, и в этом тяжелом положении находящемуся в сильном возбужденном состоянии, пришло в голову, нельзя ли попытаться прийти к какому-либо соглашению с земляками, прежде чем окончательно решиться на такое рискованное ослабление общины, как выселение большими толпами правоверных. Ему показалось возможным признать туземных богов по отношению к Аллаху, господину Каабы, за ангелов – за некоторый род промежуточной инстанции между Творцом и людьми. По его позднейшим соображениям, мысль эту вдохнул ему сатана, сильно встревоженный, понятно, его проповедью и давно высматривавший случай подготовить посланнику Божию западню. Ему удалось действительно обмануть пророка: нашептывания злого духа он принял было за подлинные слова Божии. Господь допустил, вероятно, в наказание за его маловерие, благодаря которому пророк с некоторого времени стал думать о примирении с неверующими. Случилось это так. Однажды Мухаммед перед Кабой, находившейся невдалеке от дома Аркама, возвестил, в связи с одним из его коранов: «Хорошо ли вы поразмыслили о Лате и Уззе и третьей между ними Манате? Да, они подобны благородным лебедям⁴¹, и действительно на их заступничество

⁴¹ Арабское слово обозначает лебеди или журавли, а фигурально употребляет-

можно надеяться!» Присутствующие при этом курейшиты, искавшие, по своему обыкновению, всякого случая высмеять и опорочить пророка, услышав подобный оборот, были изумлены, понятно, и вместе с тем обрадованы. Когда оратор заключил дальнейшую свою проповедь словами: «Падите же ниц перед Аллахом и служите ему!», все собрание, как один человек, повиновалось приказанию. Но едва успел Мухаммед вернуться домой, как появился пред ним ангел Гавриил и преподал резкий выговор за его легкомыслие, благодаря которому он впал в сети, расставленные сатаной. Глубоко потрясенный пророк, не откладывая, созвал на следующий же день новое собрание. Снова прочел он на нем тот же самый коран, но уже в истинном изложении: «Правильно ли вы размышляете о Лате, Уззе и Манате, третьей между ними? Неужели же когда у вас дети мужского пола, у него – женского?⁴² Ведь это же невозможное распределение». Услышав это, мекканцы, естественно, разозлились еще пуще и отвернулись окончательно от него. Преследование правоверных началось снова, но еще более жестокое, чем прежде.

ся иногда, говоря о стройных и красивых юношах. Место это довольно темное, настоящий смысл его и до сих пор не определен точно. Может быть, и сам Мухаммед не подразумевал здесь ничего прямо определенного. Притом известно, что он часто старается уснащать стиль своих коранов разного рода чужестранными словами и неясными оборотами, дабы придать им поражающий оттенок. Три поименованных выше женских божества, Лат, Узза и Манат, принадлежат, собственно, соседним племенам, они позаимствованы от них жителями Мекки.

⁴² Это значит, если у жителей Мекки почитается одно мужское поколение, раз-
ве Бог может довольствоваться этими дочерями.

Мухаммед мог спокойно сознаваться в заблуждениях, в которые иногда впадал, ибо в продолжение всей своей жизни он никогда не заявлял притязания на непогрешимость, равно как и на безошибочность, за исключением случаев, когда говорил сознательно о делах веры. Меж тем мусульманские теологи селятся навязать ему более или менее оба эти свойства, поэтому замалчивают большинство историй, для них почему-либо щекотливых. Но рассказанное нами добыто из старинного и хорошего источника и, несомненно, опирается, в сущности, на правду. Но и здесь мы встречаемся с намеренным затемнением факта. Объясняя по-своему «отклонение пророка в язычество», предание насильно втискивает целое длинное развитие в отдельный маленький факт. А между тем мы можем представить сколько угодно доказательств из дальнейших дошедших до нас известий, что выселившиеся, по первому слуху о происшедшем примирении, собрались назад на родину после двухмесячной побывки своей в Абиссинии и вскоре прибыли в Мекку. Если первоначальное признание Мухаммеда было бы им взято назад так скоро, как это изображается в рассказе, то известие об этом должно же было дойти до ушей возвращавшихся, ну хоть где-нибудь в дороге, и понудило бы их остановиться. Скорее всего можно предположить, что мимолетное признание древних богов произошло в виде некоторого рода попытки войти в соглашение с аристократами Мекки. Этой уступкой, рассчитывал он, влияние его сильно воз-

растет. И тогда при помощи постоянного и твердого напоминания об Аллахе, надеялся он, постепенно уйдет на задний план греховное почитание идолов. С другой стороны, противникам его хотелось остановить дерзкие нападки на освященные традицией предания общественной жизни. Взамен, быть может, готовы были они, вместе с разными другими отдельными божествами, оказывать и Аллаху платоническое богочитание, в известных случаях. По их понятиям, они немного уступали, соглашаясь принять новую веру пророка, лишь бы он всенародно возвестил свою готовность вернуться к вере отцов в какой угодно форме. никоим образом не приходило им в голову, что потребуеться отказаться от равнодушия ко всякой живой вере, а тем более не рассчитывали они подчиняться требованиям, от которых не мог отказаться посланник Божий, по отношению к истинным последователям Аллаха. Ясное представление полной невозможности соглашения должно было в самое короткое время проявиться. Мухаммед вынужден был сознаться, что обманчивую, а по его воззрениям, самым сатаной внушенную надежду следовало оставить. Открытое сознание в сделанной им ошибке приносит ему, конечно, много чести, но положение его все-таки, понятно, значительно ухудшилось. Стало ясным как день, что его притязания на роль провозвестника Божеской истины были неосновательны. Неприятели неустанно изобличали его в противоречиях, которые удавалось им находить в его страстных речах. Озлобленные неудачей соглашения и

продолжавшимся непреклонным упрямством того, которого почитали уличенным обманщиком, принялись они с удвоенной энергией гнать последователей ислама. Только что вернувшиеся из Абиссинии должны были снова потянуться в обратный путь. За ними последовали мало-помалу маленькими группами и многие другие, особенно когда узнали, что Надшаши оказывает благорасположение к арабским почитателям Аллаха. В общем бежал туда сто один человек, между ними мужчин восемьдесят три. В числе их был и Осман, уехавший с дочерью пророка, Рукайей, и один из братьев Али. Меньшинство вернулось сравнительно в короткое время обратно в Мекку. Какая была причина? Трудно сказать. Или они были обмануты тем, что ждало их на чужбине, или же их мучила совесть, что они покинули своих товарищей одних в неравной борьбе. Даже слабохарактерный Осман, которому помимо того, как члену семьи Омейя, менее других следовало опасаться, скоро вернулся к своему тестю. А он нуждался сильно в помощи. Все упорнее напирали аристократы на его маленькую общину. Одно мгновение казалось, что и Абу Талиб, единственный личный защитник его в минуту опасности, готов был отступить от Мухаммеда. Курейшиты неотступно наседали на благородного человека. Угрозы и внушения наконец подействовали. Не веровавший в учение своего племянника, защищавший Мухаммеда ради семейных только принципов, завещанных Абд аль-Мутталибом, Абу Талиб позвал его к себе, предложил искать прими-

рения со своим народом и не обременять его далее слишком тяжелым для него долгом. Мухаммед сразу почувствовал, что бывший его защитник хочет от него отделаться. Племянник ответил горячо: «Если б вы дали мне в правую руку солнце, а в левую – месяц под тем условием, чтоб я оставил начатое мною дело, прежде чем Господу угодно будет довести его до конца, если бы даже должен был при этом погибнуть, знайте же – все-таки не оставлю его». При этом слезы полились из его глаз, и он быстро повернулся к выходу. Но великодушный дядя вернул его назад и произнес: «Ступай с миром, сын моего брата, и продолжай говорить, что тебе угодно будет. Ни в каком случае я тебя не выдам».

Тем не менее положение становилось все более и более грозным. Но преследователи зашли слишком далеко, и дело начинало принимать оборот далеко не в их пользу. Раз сидел Мухаммед недалеко от Каабы. Подошел Абу Джахль и стал осыпать его самыми отборными проклятиями. Пророк не отвечал ни слова. Тут же стоявшая недалеко рабыня, присматривавшаяся к сцене, поторопилась передать кругом стоявшим все слышанные ею оскорбительные выражения. Как раз в это время подошел Хамза, брат Абдуллы, отца Мухаммеда. Он возвращался с охоты, с луком на плече, и слышал ругательства. Закипела в нем горячая арабская кровь. Как мог кто-то осмелиться столь жестоко оскорбить сына его брата?

Быстрее стрелы кинулся он к Каабе, подбегает к сидящему Абу Джахлю, ударяет его в присутствии всех луком по

лицу. Брызнула кровь, а обидчик злой приговаривает: «Как смел ты его поносить, я его единоведец и признаю то, что он признает. Отплати мне тем же, если посмеешь!» Хамза был мужчина громадного роста, сильный. Того, другого, тоже взяло раскаяние. Поэтому он сам стал защищать Хамзу от сбежавшихся к нему на помощь. «Оставьте в покое Абу Омару⁴³, – заговорил обиженный, – ибо, ей же ей, я обругал неприлично сына его брата». Но Хамза и не думал отрекаться от раз им сказанных слов. С этих пор примкнул он к исламу. Впоследствии из первых пал он, защищая дело правых.

Еще знаменательнее, чем это неожиданное обращение такого близкого и почитаемого всеми родственника, было принятие ислама другой личностью, относящееся приблизительно к тому же времени (около 615 или 616 г.). Омар, сын Хаттаба, из дома Адий, до сей поры был одним из самых злейших преследователей новой веры. Серьезный по натуре, он не мог обойтись без того, чтобы не подвергнуть исследованию оспариваемого. Мало-помалу дошел он до убеждения, что справедливость была на стороне Мухаммеда. Открытое обращение было непосредственным следствием приобретенного им сознания. Ближайшие подробности этого события передаются преданием в форме неопределенной и ча-

⁴³ Омара, сын Хамзы, отсюда и прозвание – Абу Омара. Высшей гордостью араба считается быть отцом. Поэтому в виде почета, обращаясь к нему, зовут его прозвищем сына.

сто противоречивой. Во всяком случае, признание новой религии подобной личностью имело весьма важные последствия. Многие, конечно, идут слишком далеко в данном случае, желая видеть в нем настоящего основателя ислама – было бы это, без сомнения, равносильно произвольному искажению фактов, тем не менее заслуги Омара слишком велики. Он известен как могучий и интеллигентный организатор, впоследствии, совокупности всего мухаммеданского мира; не будь его, по всем вероятностям, халифат, возникший из ничего и достигший мирового значения, быстро снова бы распался; это был человек решительных действий. С того самого момента, как уверовал, становится он настоящим побуждающим элементом в среде окружающих пророка. Если спокойная твердость Абу Бекра придавала нравственную поддержку более глубокому, но непостоянному и ограниченному, в особенности в делах внешней жизни, уму Мухаммеда, то Омар умел увлекать за собой пророка, побуждая его к решительным, бесповоротным действиям. А без них в данных обстоятельствах, как это впоследствии выяснилось отчетливо, нельзя было и думать о дальнейшем распространении вероучения. Омару было не более 26 лет, когда он примкнул к правоверным. По наружному виду гигант, на голову возвышавшийся над толпой современников, он отличался редкими качествами духа: смелость и решительность действий сопровождалась у Омара в необычайной степени прозорливостью и мудростью соображений. Подобные свойства, невзи-

рая на то что он не выдавался ни происхождением, ни состоянием, упрочили за ним почти с юных лет если не влияние, то уважение. Весь его характер и направление обнаружались сразу при первом вступлении в лоно правоверных. Он настоял на том, чтобы прекращены были раз навсегда богослужения тайком в доме Аркама. С этого самого времени стали правоверные открыто собираться у Каабы, устраивали тут общие молитвы в виду всех и совершали торжественные процессии вокруг святого дома. Обычай этот прежнего времени не возбуждал ни в ком сомнений, им продолжали пользоваться, но исключительно для прославления имени Аллаха.

Открытое выступление правоверных произвело поражающее впечатление на аристократов. С Хамзой и Омаром было не до шуток, на каждую насмешку отвечали они ударом, а открытой войны зажиточные купцы избегали как огня: они рисковали всем, Мухаммед же ничего не терял. Он мог взбунтовать рабов и, во всяком случае, нанес бы большой вред торговле Мекки. По-прежнему положение дел было невыносимое. Последние успехи пропаганды заметно ободряюще повлияли на пророка. С другой стороны, неприятные и компрометирующие воспоминания попыток к примирению подстрекали его вдвойне к бесповоротному осуждению поклонения идолам. Поэтому более чем когда-либо начала обнаруживаться страстность его натуры. И прежде находили на него сомнения; Господь всемогущ, думалось пророку: ес-

ли только пожелает, может проявить волю свою в войне с человеческим неверием. Все сильнее и сильнее овладевала его мозгом мысль, что если мекканцы станут продолжать оказывать упорное сопротивление истине, если взаимное ожесточение в конце концов дойдет до крайних пределов, то сам Господь пожелает уже не обращения, а истребления грешников, предоставляя лишь особым избранныкам возможность приобщиться к истинной вере. Все чаще и чаще слетают с уст его слова: «Бог руководит теми лишь, коих избрал, и оставляет в заблуждении остальных, коих не пожелал». Страшный догмат абсолютного предопределения, в самой нечеловеческой форме, стал понемногу выступать на сцену. Согласно этому учению, возвешение истины не имело целью помочь всему человечеству, скорее наоборот, лишало неверующих всякого оправдания, так как воля Божия отнимала от них самую возможность выработки собственными силами доступа к вере. Эти воззрения, мало заметные в Коране сначала, чем далее тем более стали выступать все ярче и ярче, пока не преобразовались в догматике ислама постепенно в безусловный фатализм. Нерасторжимые узы его сковали ныне всю духовную жизнь мусульманского востока. В этом отношении сам Мухаммед не поступал с неуклонной последовательностью. Строгий логический путь был ему незнаком. Но все же нельзя не заметить, что и он первоначальную тему своей проповеди «если вы не обратитесь, пожраны будете геенной» стал формулировать совершенно иначе. В его про-

поведи начинали слышаться грозные тоны. Вы не хотите и не можете обратиться, говорит он, знайте же, что уготован вам ад. Понятно, даже курейшиты должны были усмотреть в этом новое обострение нападений. Со своей стороны и они постарались напомнить о том грубом противоречии, в которое он впал при фатальной попытке к примирению, обзывая его лгуном не без некоторого основания. Под давлением этого обвинения пророк вынужден был выискивать новые доказательства для подтверждения проповедуемой им истины. Придать доводам силу внутреннего глубокого убеждения и логического обоснования он не мог – не хватало ему высшего духовного образования; быть может, еще более служила препятствием ограниченность продуктивности духа, сила которого заключалась у него в страстности понимания, а не в начале вырабатывающего из себя творчества. Воспользоваться тем, что слышал от друзей своих христиан, он не мог: крестная смерть, костер – все это для поверхностного понимания грубого народа представлялось лишь знаком слабости. А между тем в голове его продолжали бродить воспоминания, почерпнутые из прежних его отношений с иудеями. Он не мог забыть, что тем, которые выказывали неприязненные отношения к древним патриархам и пророкам, как, например, Аврааму и Моисею, приходилось в конце концов плохо. С жадностью продолжает он выведывать от живших и посещающих Мекку евреев о ближайших подробностях этих событий. И с этого времени начинают выступать в коранах,

вместо нескончаемо повторяемых беспрестанно вариаций на одну и ту же тему доказательств всемогущества Божия, почерпаемых из чудес природы, рассказы из библейской истории Ветхого Завета, в особенности те, в которых говорится о наказаниях, которым во все времена подвергались лжецы правды и противники древних пророков. Конечно, в изображаемом им Священное Писание несколько искажалось. Он уснащал библейские события разного рода прибавлениями и арабесками, которыми хагада, талмудическое предание, иногда красиво и остроумно, но чаще всего до карикатуры и не в меру оплетало широкими лентами ствол первоначальных преданий. Добродушные жители Мекки, впрочем, едва ли что-либо и слышали прежде про это. Но если араб сам мало способен к изобретению легенд, тем не менее прислушивается охотно к ним. Склонность эта сохранилась в нем и поныне. Ничего поэтому нет удивительного, что многие посторонние стали внимательно следить за тем, что говорит пророк, чего прежде как-то не замечалось, но подобное воздействие новой формы откровения продолжалось, во всяком случае, недолго. Находился тогда в Мекке один человек, по имени ад-Надр, сын Хариса, выдавший свет; между прочим, побывал он и довольно долго прожил в Хире. Там удалось слышать ему увлекательные сказания о древних персидских царях и их богатырях Пехлеванах. К сожалению, как это часто встречается у так называемых полуобразованных, он был самым отчаянным вольнодумцем и с самого начала

презрительно и насмешливо относился к божественному откровению, проповедываемому Мухаммедом. Раз в присутствии его пророк начал рассказывать о благочестивом Моисее и злом фараоне. Дав докончить пророку, он воскликнул: «О люди Курейша, я знаю более занятные истории, чем этот человек. Прислушайтесь только, я расскажу вам одну премиленную историю, много почище его рассказов». И стал он рассказывать о царях Персии, о мощном Рустеме, о красавце юноше Исфендияре⁴⁴. Толпу это очень заняло и отклонило ее внимание от серьезных предметов.

Насколько сильный вред принесла пророку подобного рода конкуренция, можно судить по тому, что бедный Надр оплатился позднее за это головой, хотя Мухаммед вообще, воюя с земляками, проявлял постоянно замечательную, до поразительного, кротость. Особенно глубоко оскорбляло пророка, что подобный анекдотический хлам могли ставить наряду со спасительными, предостерегающими примерами его поучений, а он такую великую надежду возлагал на них. Все чаще и чаще прорывается у него негодование по поводу того, что многие стали в шутку называть его пророческие ле-

⁴⁴ Это имя в национальных легендах персов играет такую же роль, как Зигфрид или Ахиллес. Рекомендую прекрасную книгу графа Адольфа Фридриха von Schach, *Heldensagen von Firdusi. In deutscher Nachbildung nebst einer Einleitung über das Iranische Epos.* Berlin, 1865. В ней заключается, кроме поименованного в заглавии, целый ряд лучших героических пересказов, заимствованных из обширного персидского эпоса – в мастерской обработке чудная поэзия этих легенд дает наглядное представление о несравненной прелести нового, чуждого европейцу мира.

генды «старинными сказочками». Несмотря на сознание, что они позаимствованы им от иудеев, пророк настаивает упорно, что они были новым откровением, исходящим непосредственно от самого Бога. И он не лгал: отвлеченные идеи скорее всплывали в его мозгу, чем сознательно им вырабатывались. Неподвижному уму пророка между тем представлялось постоянно, что это было, как говорят христиане, «наитием Святого Духа».

Для жителей Мекки были весьма неприятны вообще возникшие снова распри и все более и более выступающее сознательное движение правоверных; тем серьезнее следовало им отнестись к мусульманской колонии, продолжавшей по-прежнему гостить в эфиопском царстве. Трудно было забыть про прежние эфиопско-арабские войны. Приходилось поневоле от бесполезных, а в настоящее время даже опасных личных оскорблений и придинок перейти к настоящим политическим мерам. Мекканцы отправили посольство к Надшаши с просьбою удалить из страны переселенцев. Король решительно отклонил их требование, и это еще более усилило заботы горожан. Со своей стороны Абу Талиб продолжал упорно отказывать в просьбах отступить от своего племянника. Поэтому в 617 г. все семьи Мекки порешили заключить торжественный договор, по которому решено было прервать всякие сношения с семьями Хашим и Мутталиб. Запрещено было что-либо покупать и продавать их членам, прекращены были всякие с ними сношения.

Подобное решение, само собой, замыкало хашимитам доступ в остальные городские кварталы, поневоле должны были они ограничиться своим только собственным. Как кажется, они не в силах были удержаться даже и здесь. По крайней мере все дошедшие до нас известия единогласно утверждают, что обе семьи вкупе удалились в одну часть; лепилась она по боковому ущелью восточного горного хребта Абу-Кубейс, врезывавшегося вплотную в город. По находящемуся здесь дому Абу Талиба это место носило название квартала или, вернее, ущелья Абу Талиба⁴⁵. С остальным городом соединялось оно воротами с фронта, а с обоих боков отделялось от ближайших кварталов громадой нависших скал или наружными стенами домов. И ныне в городах Востока всякий квартал так замкнут, что может быть защищаем каждый особо. Эта большая выгода надежной защиты против постоянно угрожавшего внезапного нападения побудила, вероятно, скорее всего, хашимитов к добровольному помещению в более тесном пространстве; но оно еще более становилось недостаточным, потому что пришлось принять порядочное число последователей пророка и из других семей, равно подлежащих исключительным мерам. Независимо от тяжелой стеснительности внешнего ограничения гонение это оказалось для жителей скалистой долины вначале почти невыносимым. Проводимое в резкой и строгой форме, оно доходило до того, что преследуемым нельзя было ничего купить;

⁴⁵ По Буркхардту – ущелье Алия (сына Абу Талиба).

скот их не находил корма на голой почве, а о самостоятельной торговле нечего было и думать, так как большинство было народ бедный. Вскоре поэтому община стала испытывать всевозможную нужду и лишения. Небольшое число зажиточных людей, как Абу Бекр, едва успевали устранять самое худшее, а дела Мухаммеда, или скорее Хадиджи, находились в сильном расстройстве начиная с самого начала пророческой его деятельности. Через горы не проложено было ни дорог, ни стезей. Долина была кругом замкнута. Приходилось поэтому добывать издалека и с величайшим трудом самые необходимые жизненные припасы. Частенько для этой скученной толпы людской наступал голод, грозили и другие бедствия. Лишь в течение четырех священных месяцев могли изгнанники странствовать по крайней мере спокойно, вне округа Мекки, закупать на ярмарках самое необходимое и заключать союзы с остальными племенами. Но на последнее они не смели даже рассчитывать – никто не доверял людям, от которых даже свои собственные земляки отвернулись. Все проповеди Мухаммеда, с которыми пробовал он обращаться к различным племенам, чаще всего на ярмарках в Указе, Мине и других местах, оказались безуспешными. Много также вредили новообращенным личные усилия Абу Лахаба, враждебного пророку дяди, раз навсегда отделившегося от семьи и примкнувшего к аристократам. Предание указывает особенно на него как на человека, поносившего всюду пророка и отпугивавшего от него всех. Выдержка, с ко-

торой хашимиты выносили от двух до трех лет подряд подобное исключительное положение, может каждому незнакомому с условиями нерасторжимости у арабов семейных уз показаться прямо-таки невероятной. Надо сказать, что большинство хашимитов, а во главе их сам Абу Талиб, решительно не верили в посланничество Мухаммеда; но он принадлежал к их семье, и это их всех обязывало при каких бы то ни было обстоятельствах защищать его от неприятелей и выносить все последствия, отсюда проистекающие. Здесь в первый раз встречаемся мы с фактом, который повторяется впоследствии не раз. Ему главным образом ислам обязан своим быстрым успехом. Хотя Мухаммед и его приверженцы не хотели признавать ничего, кроме повелений Божьих, и не считали себя более связанными со старинными обычаями арабских нравов, они могли все-таки продолжать пользоваться преимуществами, проистекавшими из связи их с единоплеменниками. Пророк мог на основании обычаев своих же врагов ожидать от них и даже требовать того именно, в чем на основании своих собственных принципов он им отказывал. Таким образом, пока хашимиты вследствие семейных связей держались крепко за него, те же самые семейные связи мало-помалу подтачивали исключительный договор курейшитов. Не один идолопоклонник имел в квартале Абу Талиба близкого себе родственника и, стало быть, должен был краснеть, зная, как он страдает от нужды. Одно время, в самом начале, влияние и угрозы аристократов

препятствовали свободному развитию деятельности подобной тайной симпатии; только иногда в тиши ночи мог пробраться по дороге в ущелье навьюченный жизненными припасами верблюд. Но мало-помалу недовольство на неудобство для обеих сторон исключительных мер в высокой степени усилилось, тем более что их бесполезность благодаря непоколебимой выдержке изгнанников стала очевидной для всех. Таким образом, в то время как одни крепко держались в единодушии, между курейшитами возникали постепенно сначала открытое разномыслие, а потом даже ссоры. Образовалась целая партия, громко требовавшая снятия запрещения. В конце концов движение это сломило упрямую волю знатных. В течение 619 г. договор между семьями мекканскими был так или иначе отменен⁴⁶, хашимиты вместе с правоверными избавились наконец от стесняющего их изолированного положения. Весьма вероятно, что это произошло на основании тайного соглашения, по которому Мухаммед отказался продолжать открыто свою проповедь в самой Мекке, прежним порядком. Нельзя же, в самом деле, не допустить, что старейшины Мекки, во всяком случае, позаботились за отмену исключительных мер вырвать от пророка какую-нибудь уступку. И действительно, с этих пор, как оказывается, в городе сразу как-то прекращается прозелитизм,

⁴⁶ Понятно, тут помогло, по верованиям мусульман, какое-то чудо, которое дало возможность курейшитам нарушить так торжественно заключенный ими договор без особенного самоунижения.

а в то же время между обеими неприязненными сторонами прекращаются совсем распри и ссоры. Трудно поэтому не допустить, что это необычайное спокойствие наступило вследствие взаимного соглашения. Очень возможно также, что хашимиты вместе с Абу Талибом обязались позаботиться удержать Мухаммеда от дальнейшей проповеди во избежание возникновения новых раздоров в городе. Но предание в данном случае сохраняет глубокое молчание, а потому приходится ограничиться одними догадками. Во всяком случае, принято всеми, что после снятия запрещения Мухаммед сам прекратил дальнейшие попытки обращения своих земляков. Опыты последних годов убедили его, вероятно, что в этих ожесточенных сердцах не проторить ему дороги к истине. Ничего поэтому не оставалось ему делать, как возобновить прежние попытки и снова завязать сношения с дальними племенами; начало этому было уже положено во времена запрещения. Задуманный им план был, применяясь к арабским воззрениям, столь необычен, даже чудовищен, что нам в настоящее время, при наших исторически сложившихся обстоятельствах, трудно даже приблизительно понять всю громадность его значения. Бывало, правда, и во времена язычества, хотя довольно редко, что кто-либо, совершивший, например, тяжкое преступление, чувствовал невозможность оставаться на родине и бежал к другому племени, прося принять его в свою среду. Но чтобы кто-нибудь без каких-либо в высшей степени побудительных при-

чин вздумал разорвать родственные, семейные узы племени и притом еще из-за религиозных мотивов, было возможно разве среди христиан и иудеев тогдашней Аравии. А между тем неслыханное дело, не принимая даже в расчет временное стеснительное положение пророка, должно было неизбежно свершиться. Иначе исламу невыносимо бы было перескочить границы Мекки. Предположим, если бы случилось так, что целый город по доброй воле подчинился верховенству Мухаммеда, мировой порядок нисколько не был бы нарушен. Новая вера стала бы тогда исключительным достоянием племени курейшитов. Гальваническая цепь, так сказать, замкнулась бы по отношению ко всем остальным племенам Аравии. Удалось ли бы и тогда мудрой политике мусульманской победить сопротивляющихся поодиночке, одних за другими, – вот вопрос трудноразрешимый, а в настоящее время, пожалуй, и излишний. Но так, как сложились обстоятельства, приходится сознаться, что упорство курейшитов было необходимо, чтобы дать возможность бежать Мухаммеду из узкого кружка родного города и допустить созреть в его голове вовсе не арабской мысли, а именно, что не принадлежность к племени, но общность религии должна послужить основанием для образования общины правоверных. Едва ли он сам сознавал вначале все последствия, к которым повело приведение в исполнение этой роковой мысли. Еще менее сознательно поступали мекканцы, мешая ему изо всех сил и всеми возможными способами распростра-

нять свое учение в городе; этим самым они развязали ему руки для его дальнейшей деятельности извне. Известный аргумент: что он поделает, если свои же, лучше всякого другого знающие его, об исламе не хотят и слышать – казался для всякого араба слишком очевидным. И действительно, вначале рассуждение это оправдывалось блестящим образом. Но курейшиты не знали, что и тогда в стране было такое местечко, где может внезапно вспыхнуть пожар. Пока, конечно, не было и подобия того, чтобы положение ислама могло в скором времени улучшиться. Наоборот, основатель его именно теперь переживал самые печальные и безнадежные дни всего его жизненного существования. Вскоре после восстановления сношений с неверующими потерял он, считая по обыкновенной хронологии, в конце 619 г., Хадиджу, а пять недель спустя – своего постоянного и надежного заступника Абу Талиба. Скорбь пророка о кончине первой была безгранично сильна, хотя благодаря его в высшей степени впечатлительному и подвижному темпераменту продолжалась она не очень долго; но смерть последнего угрожала дальнейшему его существованию.

Супружество его с Хадиджей продолжалось 24 года. Дожившая до 65-летнего возраста, она уже давно была для него лишь подругой, с материнской заботой пекущейся о нем. Именно подобные отношения необходимы были для этого нервного человека, к тому же часто прихварывающего, легко воспламеняющегося, переходящего от высшей экзальта-

ции в религиозном пафосе к полной прострации под давлением внешних обстоятельств: ему была нужнее, чем всякому другому, семейная опора. Согласно всем дошедшим до нас известиям, эта женщина неослабно заботилась обо всем, касавшемся дел внешней его жизни, от которой в то время пророк совершенно отвернулся. С кротким утешением, исключительную принадлежностью разумных женщин, часто укрепляла она его опечаленное сердце и старалась поднять его внутреннее убеждение, никогда сама не колебавшаяся в вере в божеское посланничество мужа. К потере всего этого сразу он должен был по необходимости привыкнуть, и когда же: в то время, когда виды на действительный успех проповеди все умаялись и казалось, что вскоре исчезнут последние надежды. Сверх того, искони он имел сильное влечение к женскому обществу, без него не мог обойтись. Легко поэтому станет понятно, что и двух месяцев не прошло по смерти Хадиджи, как он снова женится на Сауде, вдове недавно умершего правоверного. Мало того, так как ради Хадиджи приносил он большую жертву и все время, пока она жила, не вводил в дом новой жены, пророк вздумал одновременно воспользоваться нравственной своей свободой. В этом отношении и до ислама, по арабским обычаям, дозволялся широкий простор. Почти одновременно обручается он с дочерью друга своего и одного из вернейших сподвижников Абу Бекра. О самой свадьбе пока нельзя было и думать. Айше, так звали девочку, было всего 6 или 7 лет; даже

в этом южном климате считалось невозможным вступление в брак ранее одиннадцатого года. Ежели теперь уже наступило формальное обручение, то это потому, что оба друга ощущали потребность связать наружно близкие свои отношения заключением родственных уз. Кроме того, этим высказывалось желание Мухаммеда выразить фактически свою признательность за великие жертвы, принесенные его другом общему делу. Обручением он как бы обязывался взять на свою ответственность будущность его дочери, а в то же время, в кругу правоверных, отличить особенно Абу Бекра. Хотя пророк, по-видимому, старался утешиться после потери верной своей подруги, но он не переставал думать о ней и до самого конца своей жизни вспоминал о покойной жене с признательностью и любовью. Не следует также забывать, для полной характеристики Мухаммеда, что то нежное чувство, которое мы выказываем в супружеских отношениях и, надо надеяться, обыкновенно питаем, было чуждо арабам современной ему эпохи.

Еще тяжелее, чем отсутствие Хадиджи, была для Мухаммеда смерть Абу Талиба. Надо полагать, что пророк был предан и признателен этому верному, почти до самозабвения, защитнику. Недаром же дядя пекся о нем не только во времена его юности, но и за последние десять лет; не колеблясь, жертвуя всяким личным интересом и охотно перенося разнообразные неприятности, он охранял его против неверующих и был верным до конца исполнителем семейного обе-

та, возложенного на него еще отцом его, Абд аль-Мутталибом. Положим, Абу Талиб не мог никак себя принудить принять учение племянника, не потому, конечно, что считал его, подобно другим язычникам, за обманщика. Но он никак не мог решиться отвернуться от богов своих предков. Так стоял он непоколебимо между обеими партиями, в безусловно нейтральном положении. Этот прямой, надежный человек не чувствовал в душе призвания ломать голову над задачами теологии, но ничто не могло совратить его с пути права и чести, как он их понимал, хотя бы на йоту. Мухаммед терял в нем не только превосходнейшего человека: угас его защитник, тот, которому он был слишком много обязан, а на место его приходилось звать, по естественному праву преемства, брата его Абу Лахаба. О нем упоминали мы выше как о злейшем враге своего племянника. Тем менее мог надеяться на него пророк, так как он был не только единственным из хашимитов, не пожелавшим переселиться в квартал Абу Талиба, когда подвергся весь род запрещению, но даже примкнул к аристократам. Теперь, однако, слишком громко звал голос чести: Абу Лахаб не посмел уклониться. Он отправился прямо к Мухаммеду, не решавшемуся покинуть своего жилища по смерти Абу Талиба, и сказал ему: «Поступай так, как ты привык делать до сих пор, пока над тобой бодрствовал Абу Талиб. Клянусь Латой, никто не осмелится обидеть тебя, пока я жив!» Эти естественные родственные отношения не могли, однако, продолжаться долго. Хотя общественное

мнение одобрило поведение Абу Лахаба, но главы аристократии поторопились посеять снова раздор между дядей и племянником. Они научили первого спросить пророка – где находятся со времени своей смерти Абд аль-Мутталиб, отец его и дед Мухаммеда. «В аду» – было ответом, неизбежным по неумолимой догматике как ислама, так и всякой другой веры. Со злобой в душе уходил Абу Лахаб и воскликнул на прощание: «Теперь и я твой враг навеки».

К этому моменту из всех членов семьи оставался на стороне Мухаммеда один только дядя его Хамза. Все родные отшатнулись от него. Конечно, приближенные пророка готовы были защищать его в случае открытого нападения до последней капли крови. Поэтому неприятели медлили начинать атаку, но горячая арабская кровь при первом же случае могла увлечь кого-либо из обеих партий к необдуманному слову или поступку, что повело бы, несомненно, к открытию неприязненных действий. Судьба небольшой кучки правоверных была бы тогда бесповоротно решена. Вот причины, заставившие пророка отныне окончательно отвернуться от своих земляков и начать прежние, случайные попытки – не найдется ли где место у чужеземцев для насаждения истинной веры.

Первый опыт был не из счастливых. В милях пятнадцати на запад от Мекки находится Таиф. Город этот известен и ныне как место изгнания и смерти Мидхат-паши и остальных заговорщиков против султана Абдул Азиза. В то же вре-

мя был он одним из немногочисленных городов Средней Аравии, одной из станций, расположенных на древнем торговом пути караванов, между Йеменом и Сирией, подобно Мекке. В торговле он уступал далеко последней, но, как и поныне, отличался плодородием окрестностей, своими виноградниками и садами. Жители его принадлежали к клану бену-сакиф широко распространенного племени хавазин; будучи по происхождению североарабами, они благодаря близости к границам Йемена, как кажется, кое-что переняли от своих южных соседей. Так, например, город был отчасти укреплен, что на севере встречается только в иудейских колониях. Между отделом Сакифов и Меккой никогда не прекращались живые торговые сношения, вследствие которых установилась взаимная приязнь, завязывались даже родственные отношения при помощи взаимных браков. Богатые мекканцы устраивали себе загородные дома в тенистых садах Таифа. В знойное лето жизнь здесь была много приятнее, чем в узкой долине Мекки, окруженной со всех сторон голыми отвесными скалами. Вот почему Мухаммед обратил внимание на Таиф. Хотя, с другой стороны, трудно представить, чтобы он мог питать серьезные надежды склонить на свою сторону народонаселение, так тесно связанное с его противниками. Но в его распоряжении выбор был невелик, а наконец надежда на помощь Аллаха не покидала его. Тайком, сопровождаемый одним только отважным приемным сыном своим Зейдом, опасаясь, как бы не разнюха-

ли курейшиты и не напали на него беззащитного по дороге, отправился он вскоре после смерти Абу Талиба в это путешествие. Предприятие было действительно довольно рискованное, даже для воина, привыкшего ко всевозможного рода опасностям, а для мирного проповедника почти безрассудное. Внутреннее побуждение, которое он счел было за повеление Господне, придавало ему необычайную бодрость. Что-то простое, величественное проглядывает в этой решимости – одному вступить в чужой город. Ни одна рука не подымет-ся, не заслонит его от нападения первого встречного. А между тем умерщвление его, несомненно, доставило бы удовольствие сильным Мекки, а убийце сулило богатую награду. В первые дни пребывания в городе охраняло его возбужденное любопытство. Толпа с интересом присматривалась к знаменитому революционеру Мекки, ловила с жадностью его речи. Даже знатнейшие из жителей, то тот, то другой, подходили к нему, завязывали разговор. Но более глубокого впечатления он не произвел. Вскоре народное настроение, весьма вероятно – подстрекаемое дружественными, родственными курейшитам людьми, повернуло вспять. Посыпались оскорбления на него и верного его Зейда, то словом, то действием; стали швырять в них камнями, наконец пришлось спасать жизнь и бежать спешно из города. Преследуемые чернью, покрытые ранами, из которых обильно струилась кровь, добрались они, еле живые, до лежащих в полумиле от города садов и в одном из них успели укрыться. Случайно сад прилегал

к загородному дому двух братьев из Мекки – Утбы и Шейбы, сыновей Рабия из знатного рода Абд Шемс. Это были люди самые богатые между курейшитами, с тех пор как умер недавно аль-Валид ибн Мугира, исконный враг Мухаммеда. И они тоже, конечно, слышать не хотели про пророка, но были рассудительнее и менее выказывали слепую страстность, чем большинство других аристократов. Может быть, также заговорило в них племенное чувство, когда они увидели хорошо знакомые фигуры бегущих, преследуемые яростным сбродом из чужого города. Они не открыли толпе убежища гонимых, даже послали к ним раба-христианина с блюдом, наложенным доверху виноградными гроздьями, для освежения выбившихся из сил, дрожавших от страха и напряжения. Но долго им здесь оставаться не приходилось, надо было спешить, чтобы как можно скорее покинуть окрестности негостеприимного города. На возвратном пути остановились они в Нахле, местности, находившейся почти посредине между Таифом и Меккой. Здесь, как рассказывают, Мухаммед видел сон или видение, в котором ему, столь недавно презренному и отверженному людьми, посланники царства духов, гении воздали почтение⁴⁷

⁴⁷ Имя арабское джинн, несомненно, происходит от латинского слова «депшз». По обыкновенному толкованию, эти существа представляют собою нечто среднее между ангелами и людьми. Общее с первыми у них – необычайная сила, а с последними – склонность к вере и неверию, к добродетели и грехам. В злых джиннах, которые, очень понятно, играют главную роль в народных предрассудках, арабы доисламского периода почитают особенно привидения – ночные и

пустыни. Видов их бесчисленное множество, особенно упоминается о них много в сказках «Тысячи и одной ночи», но эти легенды большей частью взяты из индийской и персидской мифологии. Случилось ли упоминаемое видение именно в это время, кажется весьма сомнительным. Представленная весьма недавно остроумная попытка объяснить весь этот феномен встречей с людьми «плоти и крови» падает сама собой при сравнении с текстом 72-й суры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.